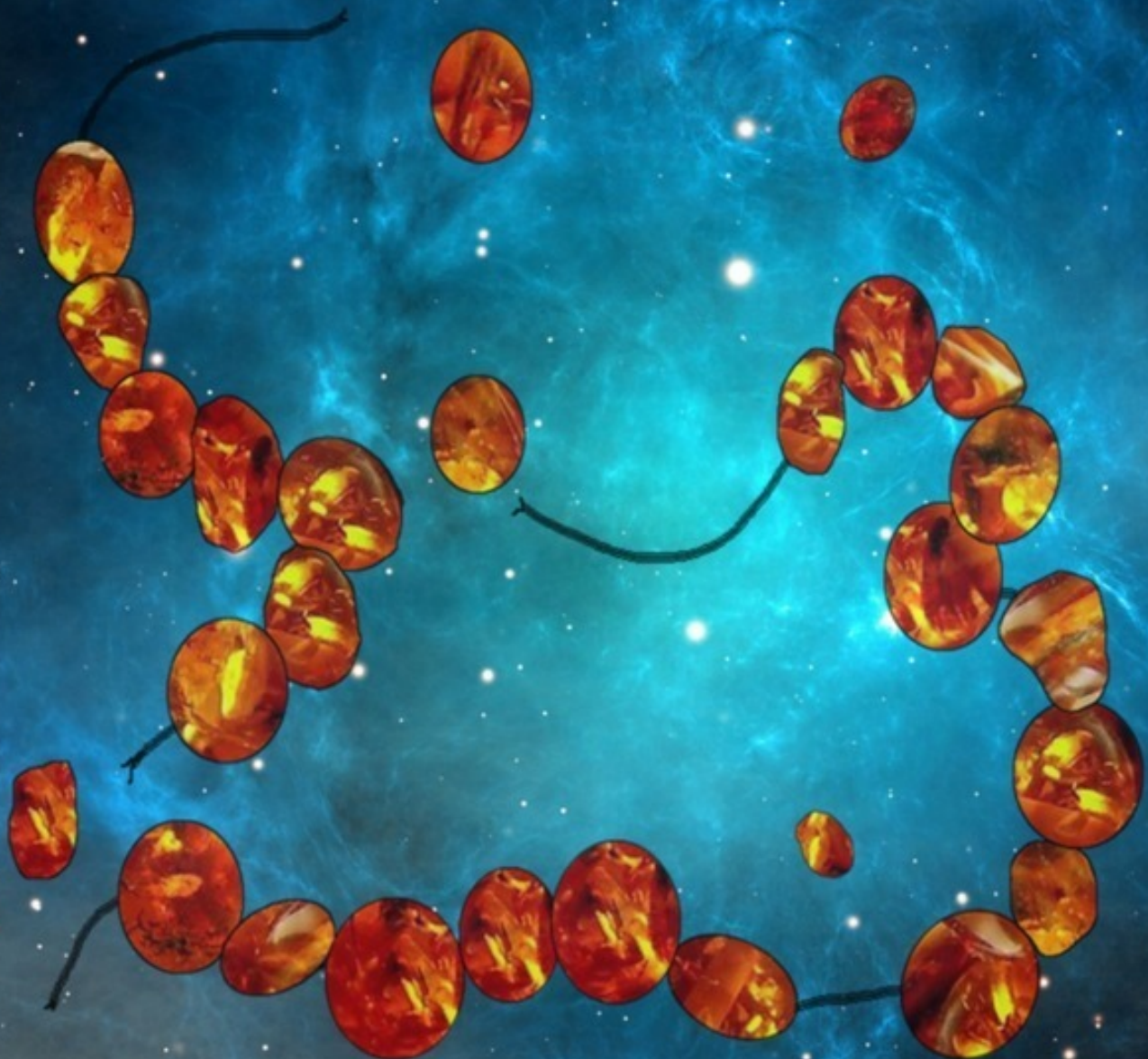

Рони Ротэр

Мошки в янтаре

Скуй мне панцирь ледяной. Черный пепел, красный
снег. Ключ

Рони Ротэр

**Мошки в янтаре. Скуй мне
панцирь ледяной. Черный
пепел, красный снег. Ключ**

«Издательские решения»

Ротэр Р.

Мошки в янтаре. Скуй мне панцирь ледяной. Черный пепел,
красный снег. Ключ / Р. Ротэр — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834128-1

Её земное имя осталось в прошлом. Теперь её зовут Вайра. В том мире, по которому она путешествует в поисках дороги домой, она узнает, что магия — удел сильных духом. Что принцы могут быть грубы, а пираты умеют плакать. Что смерть всего одного человека может оказаться губительной для целой страны. А смерть многих станет ценой за спасение одного. Что дорога домой не так уж легка и радостна, а истинным проявлением любви бывает даже ложь. В ваших руках — заключительная книга.

ISBN 978-5-44-834128-1

© Ротэр Р.
© Издательские решения

Содержание

Часть 7	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	28
Глава 4	37
Глава 5	51
Глава 6	59
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Мошки в янтаре
Скуй мне панцирь ледяной.
Черный пепел, красный снег. Ключ
Рони Ротэр

© Рони Ротэр, 2016

© Вероника Ротор, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-4128-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 7

Скуй мне панцирь ледяной

Глава 1

Мидо понуро поднялся по сходням и оглянулся на заснеженный берег. Темнота и пурга скрыли от него фигуры друзей. Чувствуя себя ненужным, юноша стоял на палубе, пока холод, пробравшись под одежду, не начал пощипывать тело. «Отвечаешь за неё» – задание, конечно, так себе. Но и его следовало выполнять надлежащим образом.

Мидо спустился вниз и, осторожно приоткрыв дверь, заглянул в каюту лорда Эркеля. Анарниэльль лежала с закрытыми глазами, укрытая до самого лица, и, казалось, спала. Убедившись, что здесь все в порядке, Мидо решил проверить пленницу.

Зараэль заперли в одном из трюмов. Прихватив факел, Мадюс спустился на нижнюю палубу. Кругом было тихо, команда, пользуясь предоставленным временем, отдыхала. Отодвинув засов, Мидо осветил себе факелом и вошел в небольшое холодное помещение. Южанка шевельнулась, потревоженная светом и повернула голову в сторону дверей. Ни один мускул на её лице не дрогнул при виде вошедшего юноши. Она просто смотрела на него безо всякого интереса. Руки и ноги её по-прежнему были связаны. Мидо потоптался с минуту у входа, и собрался уже уйти, когда хриловатый негромкий голос остановил его.

– Я хочу пить.

– Что? – он обернулся.

– Принеси мне воды. Пожалуйста.

Последнее слово она произнесла почти неслышно, а сиреневые волосы скрыли её лицо. Мидо нерешительно смотрел на женщину. Лорд Эркель предупредил его, что она опасна. Но что она, связанная и беззащитная, может сделать ему, вооруженному ватгерну? К тому же Мидо еще достаточно хорошо помнил собственное заточение в трюме корабля Брего, и его сердце дрогнуло.

– Хорошо, сейчас.

Юнга быстро вернулся и, укрепив факел в подставке на переборке, подошел к Зараэль. Склонившись над пленницей, он поднес к её губам фляжку с водой. Южанка потянулась к горлышку фляги и с жадностью, проливая на себя прозрачную влагу, принялась пить. Мидо смотрел, как она пьет, и думал, что, возможно, Эркель слишком жёсток и несправедлив в отношении неё. В конце концов, она просто женщина. Тем временем Зараэль, напившись и отдышавшись, кивнула Мадюсу.

– Спасибо. Ты милый и добрый юноша. Я хочу подарить тебе кое-что за твоё милосердие.

– Что? – удивился Мидо.

Молниеносный удар связанными ногами в пах заставил Мидо рухнуть на колени и сложиться пополам. Южанка согнула ноги и вторым ударом в лицо отправила заботливого тюремщика в беспамятство. Мидо грохнулся на пол, а вода, вытекая из фляжки, смешалась на досках с его кровью из вторично разбитого носа.

– Что? – усмехнулась южанка. – Жизнь, дурачок.

Зараэль перекатилась к спине Мидо и зубами наполовину вытащила из ножен его меч. Двух взмахов руками над лезвием хватило, чтобы ремни с них полетели на пол. Освободившись полностью, сиреневолосая с сожалением посмотрела на распростертого на полу юношу, и вздохнула.

– Что ж, подарки я назад не принимаю. Живи.

Она тенью выскользнула из трюма, не озаботившись закрыть двери, и, бесшумно ступая, поднялась наверх. Выглянув из люка, беглянка увидела темную, закутанную в теплый плащ фигуру вахтенного матроса. Быстрый взмах руки, щелчок браслета, и бездыханное тело сползло по борту. Ветер ударил в лицо, запорошил кудри белой мукой и больно стеганул ледяной плеткой по обнаженным плечам, когда она поднялась на палубу. Зараэль, поморщившись, подумала, что не худо было бы прихватить какую-нибудь накидку. Но это была лишь мимолетная мысль, не стоящая длительного обдумывания. Над её головой на скалах над морем высился замок. «Олломар, – поняла Зараэль. – Так вот куда притащил меня Эркель. В свое родовое гнездо».

Внезапно где-то на берегу раздался грохот, сопровождаемый яркой вспышкой.

– Гилэстэл! – Зараэль бросилась по сходням на берег, и устремилась вверх по неширокой, запорошенной снегом тропе.

Как ни близок с побережья казался замок, путь наверх занял немало времени. Тропа кружила и вилась по скалам, выбирая наименее крутые склоны. Но, в конце концов, южанка добралась до места, откуда ей были видны ворота замка. Естественно, что там стояла стража, мимо которой проскочить не было никакой возможности. Зараэль, притаившись за стеной, наблюдала за солдатами, охраняющими вход. Всего двое латников. Но не исключено, что в какой-нибудь сторожке с окнами на центральный подъезд сидит целый отряд. Отбросив мысль проникнуть в замок с парадного входа, Зараэль решила поискать другой способ попасть внутрь.

Она ящеркой скользила вдоль стен, прячась в их тени. Внезапно, завернув за угол, она заметила отблески света на снегу. Еще несколько осторожных шагов вперед, и южанка увидела пролом в стене – неяркий свет лился оттуда. Зараэль подкралась к бреши и заглянула внутрь. Её глазам предстал большой полуразрушенный зал, освещенный немногочисленными светильниками на уцелевших колоннах и тлеющими картинами и гобеленами на стенах. Ветер, зашвыривая внутрь пригоршни снега, не давал угаснуть мерцающим огням, словно знатный кузнец, раздувающий меха. На первый взгляд зал был пуст. Единственными звуками, доносящимися до ушей Зараэль, были тоскливый свист ветра, свободно влетающего сквозь разбитые окна и пролом в стене, да потрескивание горевшей ткани и деревянных обломков. Зараэль переступила наметенные пургой снежные холмики, обошла наваленные друг на друга обломки колонн, и, не удержавшись, вскрикнула. На полу, устремив в потолок остекленевшие глаза, в кровавой луже лежал Астид.

– Астид?!

Зараэль приблизилась к нему и опустилась на колени возле неподвижного тела. Её рука дрожала, когда она прикоснулась к холодному лицу, на котором уже не таяли снежинки. Черные волосы полуэльфа вмерзли в красное месиво под разбитым затылком. Зараэль часто-часто заморгала, стряхивая с ресниц талую влагу.

– Астид... что... кто... как это?

Зараэль скрипнула зубами и поднялась.

Внимательно оглядывая разгромленный зал, она двинулась дальше. Алый цвет, кратким лучиком блеснувший среди гранитной пыли, заставил её заглянуть под один из больших обломков. Ей не понадобилось много времени, чтобы по перстню на обглоданном почти начисто скелете узнать Улле. Зараэль в ужасе отпрянула, попятилась и наткнулась на тело Иннегарда. Её уже трясло мелкой дрожью, когда она склонилась над ним и увидела рану напротив сердца.

– Улле... Иннегард... мертв... они все... Все?!

Внезапная мысль заставила её покрыться потом, несмотря на царящий в зале холод. Побледнев, она отступила от тела Иннегарда, напряженно озираясь. Колонны расступились перед ней, и Зараэль увидела магистра. Точнее, то, во что он превратился. Она медленно-медленно, не отводя помутневшего взгляда, приблизилась к прозрачной глыбе. Тонкие смуглые

пальцы коснулись холодного стекла. Там, внутри прозрачной, неподвластной никакому механическому воздействию глыбы, была заточена навеки её жизнь. Её любовь. Её сердце. Её душа. Её счастье.

Стон перерос в тоскливый вой осиротевшей, овдовевшей волчицы. Зараэль, обнимая камень и прижавшись лицом к гладкой равнодушной поверхности, сползла к его подножию. Первые за всю её жизнь слезы, кипящей лавой выплескиваясь наружу, текли по хрусталою. Но они не могли прожечь, растопить этот рукотворный лед, и бессильно падали на пыльный пол у основания.

– Магистр! Гилэстэл! Скажи, скажи мне, кто это сделал! Клянусь тебе, клянусь всеми богами мира, я отомщу за тебя! Имя!!! Скажи мне имя!!!

Но статуя безмолвствовала. Зато наверху широкой лестницы послышались приглушенные голоса. Зараэль, с трудом заставив себя оторваться от прозрачного саркофага, спряталась за одной из колонн. Голоса стали четче, когда наверху открылась дверь, и кто-то вошел в зал. Они спускались по лестнице, и Зараэль, осторожно выглянув из укрытия, увидела, что их только двое. И узнала впереди идущем человеке Эркеля. Рука напряглась сама собой, и южанка истово молила бога, чтобы маг подошел поближе, справедливо полагая, что он причастен к гибели магистра и остальных. Но Эркель, к её горчайшему разочарованию, не стал спускаться в зал, а остановился на нижних ступеньках. И, хотя достать его стрелой не представлялось возможности, все, что он говорил, Зараэль слышала достаточно четко. Она опустила руку, прижалась к ребристой поверхности и напрягла слух.

– О, боги! – это воскликнул пришедший с магом человек, увидев разгромленный зал. – Господин, что здесь произошло?!

– Тебе лучше не знать, Моранти.

Зараэль почти перестала дышать, предчувствуя, что сейчас услышит нечто важное.

– А-ах!!!

Возглас неподдельного ужаса, вырвавшийся из уст спутника мага, заставил её вздрогнуть. Она испугалась, что он мог заметить её, спрятавшуюся за колонной. Она вся обратилась в слух, пытаясь угадать, с какой стороны ждать нападения, и приготовилась защищаться. А, возможно, и нападать. Но, как оказалось, говорили не о ней.

Ма... магистр?! Ваша светлость, это же... Это же магистр Энвингол!!!

Моранти сбежал по лестнице, и в немом изумлении и в ужасе застыл перед прозрачным камнем, с заточенным в нем телом магистра.

– Но кто?! Кто...?

Он повернул побелевшее лицо к магу, стоявшему на лестнице со скрещенными на груди руками.

– Неужели... неужели это...

– Нет, – отведя взгляд от вопрошающих, исполненных суеверного ужаса очей своего управляющего, Эркель качнул головой в ответ на невысказанный вопрос. – Это не я. Мне это, как выяснилось, оказалось не под силу.

– Не вы? А... а кто? Кто смог оказаться сильнее вас, сильнее самого магистра?!

Зараэль затрепетала, вцепившись пальцами в края каменных лепестков, увивавших мраморный столб. «Имя! – беззвучно и яростно шептали губы. – Имя!!!»

– Ты только что помогал ей придти в себя, Моранти, – негромко произнес маг.

– Что? – раскрыл глаза управляющий. – Эта девчонка? Эта рыжая... хм, эта дама?! Ничего себе, – пробормотал он себе под нос. – А по виду и не скажешь.

Зараэль, ломая ногти до самых оснований и оставляя на гранитных лепестках смазанные крапинки крови, прикусила язык, чтобы не закричать. Она поняла, о ком говорит невидимый ею собеседник мага. Конечно. Кто же еще! Она, эта рыжая девка, появившись из ниоткуда, украла и убила её Гилэстэла. Она отняла все, что составляло смысл жизни Зараэль – дом,

любовь, будущее. Магистр был не прав, когда решил сохранить жизнь этой ведьме. А она, Зараэль, с самого начала, с первого дня появления её в Норхете чувствовала исходящую от неё ауру несчастья. Ну почему, почему она не прикончила её сразу же! Гилэстэл был бы сейчас жив. И Иннегард, и Улле. И Астид. И все было бы, как прежде. Так, как не будет уже никогда. Никогда... Кому-то придется дорого, очень дорого заплатить за это «никогда»!

Ставшие почти бесцветными, прозрачными, глаза южанки сверкнули мстительным огнем. Она заставила сердце утихомирить биение и бесшумно вздохнула, приводя в порядок мысли и чувства. И вновь прислушалась.

– ... еще тела, – донесся голос Эркеля. – Они не были мне врагами. Я доставлю их в Норхет и похороню с надлежащими почестями.

– А как быть с магистром?

– Боюсь, что здесь я ничего не смогу сделать. Мне не разбить камня. Думаю, нам не удастся освободить тело Гилэстэла из этого саркофага. Пусть же он так и останется его гробницей. Оставьте его в этом зале. А вход, после того, как закончите здесь все, заделайте наглухо. Брешь в стене тоже. И окна. Пусть больше никто и ничто не тревожит магистра – этот зал станет его склепом. Я надеюсь на тебя, Моранти.

– Конечно, лорд Эркель. Я все сделаю. Но... разве вы не останетесь в Олломаре?

– Нет, – шаги на лестнице убедили Зараэль, что мужчины поднимаются наверх. – Мне нужно вернуться в Норхет.

– Надолго ли, лорд Эркель? Я спрашиваю не из любопытства, все же я ваш управляющий.

– Понимаю, Моранти. Думаю, мы пробудем там до самой весны. А, может, и дольше.

Смотря по тому, как пойдут дела.

– Мы?

– Я и мои спутники. Мы отплываем немедленно. Идем, Моранти, я дам еще кое-какие распоряжения.

– Слушаю, лорд Эркель.

Голоса стихли, но Зараэль выждала еще достаточно времени, прежде чем решилась выглянуть из-за колонны. Она не боялась, нет. Просто теперь ей надо быть осмотрительнее, надо беречь себя, чтобы ненароком не сгинуть до срока. До того момента, когда она осуществит свою месть.

Она приблизилась к глыбе, опустилась на колени, и, не отрывая взгляда, долго-долго смотрела в лицо Гилэстэла, сама став похожа на неподвижное изваяние. Она смотрела на него в последний раз, вбирая, впитывая, сохраняя в памяти дорогой её сердцу образ – каждую его черточку, каждый изгиб, каждый волосок. Потом, коснувшись губами синего камня в поблескивающем на пальце перстне, тихо и ясно проговорила:

– Клянусь самым дорогим, что есть у меня – твоей памятью, твоей любовью и твоей кровью, я не успокоюсь до того мига, пока не отомщу за твою смерть. За то, что с тобой сделали. Я проклинаю ту, чье имя Вайра, и клянусь, что буду уничтожать всех, на кого обратит она взор свой, кому предложит свою дружбу или окажет расположение. А когда не останется вокруг неё никого, кто защитил бы её, я заберу то, что принадлежит теперь мне – её жизнь. Я клянусь, что как только моя месть состоится, я приду к тебе, и буду неразлучна с тобой до скончания вселенной. До встречи, мой господин.

Она поднялась, повернулась, и, больше не оглядываясь и не глядя на тела поверженных магов, направилась к пролому в стене.

«Собрался в Норхет, Эркель? Ну, так что ж, мне с вами по пути. Это будет ваше последнее путешествие. Уж я-то постараюсь. Даже если мне придется пустить на дно корабль!» Зараэль облизнула губы, смакуя эту мысль – одним ударом избавиться от всех недругов сразу. Главное – незаметно пробраться на судно.

Прокручивая в уме примерный план, южанка забыла про осторожность, и едва не столкнулась нос к носу с латником из замковой стражи. Он стоял прямо напротив пролома в стене и с ошарашенным видом рассматривал произведенные разрушения. В тот миг, когда углубившаяся в свои думы Зараэль вынырнула перед ним из полумрака, он, задрвав голову и приоткрыв рот, оценивал высоту бреши. Ветер, радостно подвывая, ринулся навстречу южанке, осыпая её холодным белым конфетти, потянул за волосы, норовя вытащить наружу. Но Зараэль проворной мышкой юркнула за выступ и притаилась, подглядывая за стражем и оценивая шансы на успех в возможном поединке. Они были не так уж велики. Против добротной кольчуги, толстого зимнего плаща, полузакрытого шлема и внушительного меча – всего десяток стрел в браслетах. Но попробовать стоило. Она подняла руку, целясь в незащищенное лицо, но вдруг послышались приближающиеся голоса. Зараэль опустила руку, неслышно прошипев проклятие, и отступила подальше от пролома в тень, так, чтобы слышать, что творится снаружи.

– Майт? Ты чего тут? – голос принадлежал одному из подошедших мужчин.

– Чего-чего, – пробурчал Майт, обернувшись к подошедшим товарищам. – Капитан велел за этой дырой приглядывать, кабы чего не вышло.

– Не вышло, али не вошло? – хохотнул второй пришедший.

– И то, и другое, – понял шутку Майт. – А вам-то чего в тепле не сидится?

– Посидишь тут, как же, – вздохнул второй. – Господину донесли, что с его корабля сбежал кто-то, вот капитан и приказал вокруг замка все обшарить.

– Не кто-то, – поправил его первый, – а вроде какая-то бабенка. Вроде наш лорд держал её там силой, а она возьми да и сбеги. Говорят, матроса одного насмерть положила, а второго покалечила.

– Вот это баба! – щелкнул языком Майт. – Видать, не по зубам его светлости оказалась. Интересно, это не из-за неё сегодня в замке такой тарарам? Аж стены порушило! О, гляди-кось, какая дыра! А внутри, наверное, ни одного целого камня не осталось. Можя, зайдем, посмотрим?

– Тебе капитан что велел? За дырой присматривать? Вот и смотри. А чего там внутри, это тебя, Майт, не касается, – голос первого был строг.

– Я и сам знаю, что не касается. А ну вдруг там кто живой? Или, хуже того, нежить какая? Все ж жутковато тут одному-то.

– Гляди, спужался! – хмыкнул второй.

– Не спужался, а берегусь. С этими магами чего только не насмотришься. Одно слово – колдуны, темное племя.

– Ты чародеев не трогай, – послышался суровый голос первого. – Забыл, кому служишь? Попридержи язык-то, а то он у тебя от страха совсем разболтался.

– Разболтался, – обиделся Майт. – Постоишь тут, еще не так заболтаешь.

– Ладно, – хлопнул по плечу понурившегося товарища второй. – Постоим тут, с тобой.

– А как же замок? Смотреть не будете, что ль?

– Чего его смотреть? Будь я на месте той девахи, убрался бы отсюда подальше. Если она от лорда сбежала, чего ж ей тут ошиваться? Чтоб опять поймали?

Стражники сгрудились и повернулись друг к другу лицами, чтобы хоть как-то защититься от ветра. Они продолжали негромко о чем-то беседовать, временами пересмеиваясь, но Зараэль их уже не слушала.

Время уходило, а она все стояла, изнывая от нетерпения. Стояла, прижимаясь спиной к холодной стене, боясь пошевелиться, чтобы ненароком не привлечь внимания солдат. От долгой неподвижности стали затекать руки и ноги, замерзшие пальцы почти не гнулись, но Зараэль бесило не это. Гораздо большие страдания причиняла ей мысль, что Вайра может ускользнуть от неё.

Метель разыгралась не на шутку. Снег валил все сильнее, разгулявшийся ветер злобно выл и свистел, заглушая все другие звуки, метался меж колонн, гасил последние светильники. Зараэль осторожно повела головой, стряхивая с волос налипший снег. Острый взгляд южанки проник в полутьму за колоннами, туда, где еще теплились недоступные снежным вихрям огоньки, и она вздрогнула. Ей показалось, что из темноты, подсвеченной оранжевыми язычками умирающего пламени, проступили очертания фигуры Гилэстэла. В руках его был посох, а взгляд устремлен на пролом в стене.

– Магистр! – вырвалось у ошеломленной неожиданным видением Зараэль. Но в этот миг неистовствующий ветер, словно глумясь над ней, безжалостно задул светильники.

– Да, – прошептала южанка. – Да, Гилэстэл. Я поняла тебя.

Она решительным быстрым шагом вышла из-под прикрытия стены, готовясь к неминуемому поединку с замковой стражей. Но солдат у пролома не было! Зараэль недоуменно огляделась, а потом, обернувшись, прошептала в темноту за спиной:

– Спасибо!

Сердце южанки неистово колотилось от волнения и предвкушения, когда она, наплевав на все предосторожности, мчалась к прибрежным скалам. Увязая по колено в снегу, падая и снова поднимаясь, она торопилась к причалам. Ей почудились голоса и тени у замковых стен, когда она, в очередной раз споткнувшись, свалилась в пышный сугроб. Но Зараэль, проигнорировав опасность и быстро поднявшись, припустила вперед.

Замок остался позади, впереди же был только снег. Снег мельтешил перед глазами, стараясь запутать, обмануть, увести в сторону. Ветер бил по плечам, мешая подняться, бросался ей под ноги, толкал в спину, а надвигающаяся ночь грозила вот-вот скрыть дорогу.

Зараэль подбежала к самому краю скалы, взглянула вниз, и не смогла сдержать стон разочарования. Причалы были пусты. Снег поредел, словно издеваясь, и давая ей возможность разглядеть далеко в море корабли.

– Не успела, – простонала южанка. – Не успела...

Крик обиды и ярости разлетелся над скалами. Ему ответил приближающийся лай собак и голоса людей.

– Сюда! Она на скалы рванула!

– Спускай собак! Взять её! Ату!

– Гау... Гау...

– Ату! – надрывались загонщики.

– Гам! Вау... Га-ау-у... – азартно гамкали и подвывали псы.

Зараэль кинулась к краю скалы, но крутой обрыв не позволял спуститься.

– Шакалы, – ощерилась южанка, оглядываясь. – Собаками меня травить?

Из пелены вновь погустевшего снега вынырнул первый пес, и с утробным рычанием бросился на девушку. Зараэль резко отпрыгнула в сторону, и животное, не удержавшись на краю, с отчаянным визгом полетело на камни под обрывом. Прыжок второй собаки южанка пропустила, и зверь опрокинул её на спину. Клыки, нацеленные в горло, лягнули о браслет на предплечье, когда Зараэль вскинула руку, защищаясь. Тонкий механизм сработал под давлением сильных челюстей, раздался щелчок, и стрела вонзилась псу в небо. Он коротко заскулил, загреб лапами снег и сдох.

– Вон она! Вона! Бей!

В опасной близости от лица просвистел арбалетный болт, у самых ног в снег зарылся еще один. Зараэль вскочила, метнулась вправо, уходя от стрел, и в этот момент к ней со злобным лаем подлетели еще две лохматые псины. Одну южанка успела уложить стрелой из браслета, но зубы другой сомкнулись на смуглой голени.

– Тва-арь, рэ-эай туно!!! – крик боли и ярости вырвался у Зараэль вместе с килитским ругательством. Она упала, и, вцепившись длинными ногтями в собачий нос, изо всех сил

пинала пса здоровой ногой. Рычащим клубком они покатались по земле, щелчки браслета следовали один за другим. Краем глаза Зараэль заметила, как подбегают люди с мечами и арбалетами.

- А-а! Шибай её!
- В Пака попаду!
- Все одно, сдохнет!
- Да бей же!!!

Зараэль рванула тушу собаки на себя, прикрываясь от болтов, собралась с силами, и, подкатившись к краю, рухнула со скалы вниз. Люди, разразившись громкими криками, подскочили к краю обрыва, посылая вдогонку стрелы.

Недолгий мрак обморока уступила место живой ночной тьме, в глазах прояснилось. Зараэль застонала, но тут же замолчала, стиснув зубы. Попробовала пошевелиться, приподнялась – и охнула, когда движение отозвалось резкой болью в нижней части спины и правом боку. «Невероятно, что вообще кости целы» – подумала она, задрав голову и оценивая высоту скалы, с которой упала. Спину щекотала собачья шерсть. Южанка огляделась – она лежала меж трех больших камней, с одного из которых свешивались лапы свалившегося пса. Снег и туша другого смягчили падение, а невероятная удача уберегла беглянку от смерти на камнях. Из эйфории её выдернула боль в спине и покусанной ноге. Зараэль, помогая себе руками, села.

– Сволочи, – кривясь, охнула она, дотронувшись до окровавленной ноги. – Как же я идти буду?

Наверху послышались голоса её преследователей. Зараэль жглась, преодолевая боль, отползла под прикрытие скалы и прислушалась.

– Видал, как сиганула? – в голосе стражника звучало удивление.

– Видал, – с сожалением отозвался другой. – Ушла, зараза. Терту жалко. И Пака. Глянь, чем это она их?

– Чудно. Стрелки. А ма-ахонькие!

– С переломанным хребтом далече не уйдешь, – хмыкнул кто-то третий.

– А ну как жива?

– Ничё, щас спустимся, поглядим. Двигай в обход, к тропе!

Голоса и собачий лай наверху стихли, удаляясь. Зараэль поднялась и попробовала наступить на раненую ногу. «Рэай но! – выругалась она на выдохе, едва не упав. А потом горько усмехнулась. – Прости, магистр, но ты мог бы сделать меня менее чувствительной к боли».

Оставляя за собой сочный красный след, южанка как можно быстрее захромала к кромке воды. Войдя по колени в холодную воду, она побрела вдоль берега. Кровь из изодранной голени медленно расплывалась в набегающих волнах. Вскоре каменистый пляж прервался, сменившись отвесными скалами. Море с грохотом билось об утесы, а ветер срывал клочья пены с гребней волн, и старался зашвырнуть их на низко плывущие тучи, в обмен на снег. Зараэль замерла, со страхом глядя на бушующую стихию. О том, чтобы подняться наверх, не могло быть и речи – нависающие над морем скалы обрекали эту попытку на провал, даже если бы нога была здорова. А идти назад значило добровольно отдаться в руки преследователей, которые наверняка уже были недалеко.

– А еще, знаешь, Гилэстэл, мне бы не помешали крылья, – шептала Зараэль, заходя все дальше и дальше в море. Когда вода достигла груди, южанка оттолкнулась от дна ногами и поплыла прочь от берега.

Смуглые руки уверенно разбивали темную воду. А волны, словно возмущаясь и удивляясь невероятному упорству странного и бесстрашного существа, старались отнести Зараэль назад, к гремящим береговым утесам.

«Плы-ыть – плыть, плы-ыть – плыть», – в единый ритм сливались дыхание, вой ветра на гребне очередной волны, рев недалекого прибоя в ушах при погружении в воду. Время

от времени Зараэль бросала короткие взгляды в сторону берега, но каждый раз лишь для того, убедиться в бесконечности холодных скал. Борьба между самоуверенностью совершенства и отчаянием одиночества отбирала и без того скудные силы.

Но вдруг вместо серых каменных стен взгляду южанки открылась черная пустота – скалы уступили место отлогим склонам. Зараэль повернула к берегу. Море, до той поры настойчиво старавшееся вышвырнуть её на береговые скалы, вдруг изменило своё решение. Теперь волны, не желая упускать добычу, тащили южанку прочь от берега, в открытое море. Водяные горы, забавляясь, играли измотанной беглянкой, перебрасывая её друг другу, то накрывая с головой, то вышвыривая на краткий миг на поверхность. Глотая попеременно воздух и соленую воду, Зараэль изо всех сил гребла к берегу. И море, подивившись её упрямству, уступило. Одна из волн подхватила Зараэль, грубо протащила по каменистому дну и отхлынула. Девушка, кашляя и отплеываясь, на четвереньках поползла к берегу. Вторая волна, обрушившись, хлестнула её напоследок по ободранной спине, приподняла и выкинула на обледеневший берег. Остатки сил Зараэль потратила на то, чтобы отползти как можно дальше от воды.

Обняв руками колени, содрогаясь от холода и закрыв глаза, она приткнулась с подветренной стороны к большому валуну. «Немного, совсем... немного... отдохну... не могу. Как же... я... устала...». Смуглая кожа на зимнем ветру приобрела сиреневатый оттенок, и стала покрываться тоненькой корочкой льда. Ночь с печальной заботой осыпала мягким снегом сжавшуюся фигуру. Неимоверно уставшая, израненная, одинокая, Зараэль замерзала на пустом берегу.

«Как же всё... коротко, – сквозь холодную муть пробилась саркастическая мысль. – Меа пития аранэль! Принцесса на час... Всё вернулось к началу – голодная, избитая, ненавидимая всеми девчонка-дикарка околеваает в снегу. Гилэстэл, где же ты! Спаси меня! Как тогда...».

Прозрачная ледяная корочка хрустнула и осыпалась, когда Зараэль зашевелилась и приподнялась. Пересиливая слабость и боль, она встала и медленно, оступаясь на камнях, стала карабкаться вверх по склону.

«Да, да, я помню твои слова, магистр. Я – идеальное существо. Я проживу долгие тысячелетия. Мне не страшны болезни и старость. Я могу вынести то, что другим не под силу. Я буду жить. Жить столько, сколько понадобится!».

Глава 2

Рыбацкая деревушка мирно спала, когда Зараэль добрела до крайних хат. Южанка прислушалась, и, успокоенная тишиной, осмелилась приблизиться к ближним постройкам. Она отгребла снег от дверей покосившейся сараюшки и протиснулась внутрь. В сарае пахло рыбой и солью. Путаясь в развешанных на просушку сетях и стараясь не свалить что-нибудь ненароком, Зараэль пробралась в дальний угол и забилась в сено. Стараясь отвлечься от боли в ноге, она попыталась размышлять о том, как ей быть дальше. Но думать о будущем не получалось, мысли возвращали её в недавнее прошлое, и это было больнее, чем раны на теле. В конце концов, убаюканная относительным теплом и монотонным воем ветра, прижавшись щекой к заветному перстню с синим камнем, Зараэль задремала.

Разбудили её голоса снаружи. Говорили мужчина и ребенок. Зараэль прислушалась, сквозь шум так и не утихшей вьюги разбирая слова чужой речи. На этом языке иногда, желая поразвлечь её, говорил Астид. Зараэль, больше для забавы, чем для практического применения, освоила странную речь. И вот, поди ж ты, пригодилось.

– Тато, ты скоро?

– Скоро, Микось, скоро. К изборну и обратно. А ты матери подмогни, дров вон еще натаскай, снег срой.

– Ла-адно.

Зараэль осторожно высунулась из сена и огляделась. В щели меж досками проникал дневной свет, в его широких полосах весело посверкивали летающие с потолка снежинки. Плыли легкие шаги, сопение, скрип снега под лопатой. Южанка притаилась. Дверь приоткрылась, и в сараюшку втиснулся мальчонка лет семи. Прислонив лопату к косяку, он направился к поленице. Зараэль сквозь стебли сухой травы наблюдала, как пацаненок с серьезным видом набирает дрова. От него пахло теплом и хлебом. Южанке не хотелось, чтобы он кричал. Она стремительно вынырнула из сеного вороха, ухватила мальчишку и закрыла ему ладонью рот.

– Тихо, – прошептала Зараэль в ответ на испуганный взвизг и приглушенное мычание. Она подождала, давая мальчонке время на понимание, а потом веско проговорила. – Говори тихо и быстро. Будешь орать, придушу сразу же. Понял меня?

Мальчик согласно затряс головой. Зараэль убрала руку с его лица.

– В доме кто?

– М-мато.

– Еще?

– Ба... бабка старая и брат. Но он малой еще, м-молочный.

– А отец?

– У-ушел. Соктень п-приходил, его к... к изборну позвал.

– Веди в дом.

Мальчишка дернулся к выходу, но Зараэль удержала его за воротник фуфайки, и кивнула на разбросанные поленья.

– Дрова-то возьми. Я замерзла.

Зараэль прохромала по ступенькам, держа маленького пленника за шиворот, открыла дверь, и толкнула мальчишку в хату первым. Клубы морозного воздуха вместе с порывами ветра и снегом ворвались в жарко натопленную избу.

– Микось, што дверь-то расхлебенил! Ястося захворишь! Дров принес?

У печи, спиной к двери, хлопотала хозяйка, снимая шкворчащий горшок с огня.

– Мато, – пискнул Микось.

– Да закрой ты дверь, оболтус!

Хозяйка повернула круглое раскрасневшееся лицо с намерением отчитать сына, и вскрикнув, всплеснула руками.

– Висьмирь помоги!

В дверях, ссутулившись и скособочась, стояла темнокожая полуголая девка. Одной рукой она придерживала дверь, а другой держала её сына за воротник фуфайки. Светлые глаза исподлобья настороженно осматривали хату.

– Микосю! – хозяйка бросилась к мальчишке. А тот, не выпуская поленьев из рук, разревелся в голос, громко и испуганно.

Зараэль отпустила мальчишку, и он уткнулся лицом матери в передник.

– Да цел он, цел, – вздохнула Зараэль, прикрывая дверь, и прислонилась к косяку.

Хозяйка, прижимая к себе сына, во все глаза глядела на незнакомку. Её брови изогнулись, когда она заметила синяки и ссадины на теле девушки, запекшуюся рану на ноге. Она была доброй женщиной, и первыми чувствами, сменившими страх за сына, стали жалость и сострадание к неожиданной гостье

– Микосю, ступай, сыно, ступай. Ох, дева, енто хто ж тебя так-то? Хватайся за меня.

– Я сама.

– Ну, сама, сама. Вот, сюда, на лавочку, да к печке. Ох, ты, велик Висьмирь, енто надо ж, голяком, да по такой стыни! Неуж хто у нас тут обидчик нашёлси? Дык, отродясь тута злыдней не бывало. Иди, мила, иди.

Зараэль дотащилась до широкой лавки у печи. От томного тепла заломило тело, разорванная нога снова начала кровоточить.

– Щас, дева, щас. Микось, – кивнула она сыну, – одёжу скидай да дров в печь подкинь, не то хлеб склѣкнет.

Микось, вытирая рукавом нос и с любопытством косясь на диковинную гостью, занялся печью. Хозяйка скрылась за занавеской, отделяющей вторую половину хаты, и вернулась оттуда с чистыми полотенцами и бутылкой из зеленого стекла с какой-то жидкостью. Налив из большого котла, стоящего на печи, теплой воды в миску, она смочила в нем полотенце и прикоснулась к ноге Зараэль.

– А потерпи, потерпи, – подняла она глаза на южанку, когда та шикнула сквозь зубы. – Рану-то, рану омыть надоть. Щас, дева, щас. И настойка у меня ести, хорошая настойка. Мой-то ежели на промысле руки сорвет, я завсегда его ентою настоечкой пользую. Ты не бойсь, я худого не сделаю. Ох, дева, и откель ж ты такая взялася?

– Издалека, – ответила Зараэль, кривясь и пошикивая, когда хозяйка отрывала засохшие струпья с раны и быстро прижимала к ней намоченную в настойке тряпицу. Снадобье припекло не на шутку, но Зараэль терпела. После всей процедуры хозяйка приложила к ране смоченную в настойке ветошку, и обмотала ногу южанки чистой тряпицей.

– Вот, ладнѣхонько. Покажь спину-то, не боись. Издалека, сталбыть. С корабля какого, што ль?

– С корабля, – кивнула южанка.

– Оно видать, шо не нашенская. Даже и не из господ. Чудна больно. А по-нашенски ладно баешь. Ну, вот и всё, – смоченная в адском вареве тряпица в последний раз коснулась спины, и Зараэль вздохнула с облегчением. Умывшись и сполоснув руки теплой водой, она почувствовала себя лучше. Хозяйка оглядела её и, нахмурившись, укоризненно покачала головой. – Щас я тебе што-нить прикрыть дам. Сраму-то, сраму.

Зараэль, гордившаяся своей фигурой, обиженно скривила губы. Прикрыть хозяйка принесла рубаху со шнуровкой у плеч и длинную коричневую юбку.

– Надевай, – кивнула хозяйка. – Вскорости Врацек вернется, а тутоти ты голяком. На ноги на вот.

И на скамью перед Зараэль легли онучи и основательно потертые, сшитые из толстой кожи чувяки с тесемками.

– Надевай, надевай, – махнула рукой хозяйка, перехватив недоуменный взгляд южанки. – Оно, можа, и неказисто, да прикрыта будешь.

Зараэль натянула рубаху, юбку, и, представив себя со стороны, чуть усмехнулась. А вот с обувью вышла заминка. Южанка вертела в руках длинную полосу плотной ткани, недоумевая, что с ней делать.

– Пошто размотала-то? Енто тебе не господарски туфели. Смотай. Охо-хо, глядь сюды.

Хозяйка села рядом и задрала подол. Её ноги до середины голени были аккуратно обернуты онучами, и перевиты тесемками кожаной обуви.

– Поняла?

– Да.

Изящные браслеты с раненой ноги пришлось переодеть на другую, иначе они натирали рану. Изрядно повозившись с портянками, Зараэль удалось-таки обуться. С неудовольствием глядя на ноги, потолстевшие в онучах, она мысленно пообещала себе при первой же возможности разжиться сапогами.

– Тебя как кличуть-то? – спросила хозяйка, надрезая большой каравай, и дружелюбно посматривая на Зараэль. Микось, помогая матери, раскладывал на столе деревянные ложки.

– Зараэль, – помедлив, ответила южанка.

– Чудно всё ж! – хмыкнула хозяйка. – Ай да имячко. А меня вот Малья.

– Малья, – повторила Зараэль, глядя, как хозяйка ставит на стол горшок с варевом.

– Ага. А Врацек зовёт Мальком. Он у меня рыбарь, вот и шуткует по-своему, – рассмеялась она. – А ты-то как, замужняя, аль нет?

– Нет, – качнула головой Зараэль.

– А постлюх-то ести?

– Кто? – не поняла южанка.

– Любый, говорю, есть хто?

– Был.

– Неуж бросил? – сочувственно покачала головой Малья.

– Убили его, – тихо ответила Зараэль, отворачиваясь.

– Уби-или? – рыбачка опустилась на скамью рядом с южанкой. – Охеньки, горюшко. Енто как же, хто ж такое содеял-то?

Зараэль дернула плечами, не желая вдаваться в подробности.

– Кто сделал – поплатится, – зло бросила она.

Малья вздохнула и поднялась. Налив в глубокую миску варева, оказавшегося рыбной похлебкой, и взяв кусок хлеба, она ушла за занавеску.

– Мамо, – послышался её громкий голос. – Мамо, полдневать пора.

Послышалось старческое кряхтенье, скрип и сдержанное причавкивание. Выйдя к столу, Малья кивнула на другую половину хаты.

– Мамо, Врацек мато. Стара уж, почитай, за седьмой десяток перевалило. Придвигайся, Зарель, бери-ко вот ложку, да черпай. Хлеб вот бери. Микось, за стол! Тато ждать не будем, он не обидится – гость у нас.

Пацаненок устроился на лавке рядом с южанкой. Зараэль повертела в руках потемневшую деревянную ложку – «Да уж, видимо, о тарелках они и не слыхивали» – и потянулась к котлу.

– Хлеб-то, хлеб подставляй, – хозяйка показала, как держать лопот под ложкой, чтоб похлебка не капала на стол, и улыбнулась. – Все ж, видать, из благородных, а? О том году на ярмарке с Врацеком были, в Вестроге, благородия туда ж наезжали. Мно-ого! Про господ ничё не скажу, не приглядывалась. А вот иланны – фра-фра! Ровно куст, шо мы на жатву, на день Хлебной Мато, выражаем! Ленты, да кружева, да побрякушки, да туфельки вышиты.

Сами тощи да белы, ровно солнца и не видали, скрозь ручушки кости видать – того гляди, сломятся! В чем жисть держиться? Так, рыбу-то мы отвезли, пока суть да дело, я с кухаркой господарской слялякалась. Так она меня поглядеть повела, тихохонько так, на обед-то господарский. Смех, да и то! Енто надо ж так над харчем изгаляться – у каждого за столом своя миска, да не одна. Вот оне в одной поковыряются-поковыряются, да собаке её, сами за другую берутся. Конеш, так захудаешь! И кружек тож штук по три. Она, кухарка тоись, говорила, енто кубки да фрузеры. В обчем, дурь все енто, вот что. Простые люди, оне лучче с харчем-то обходятся, знают, как он достается.

Горло Зараэль сдавило, словно ошейником. Она метнула на хозяйку загоревшийся взгляд, но та ничего не заметила. «Корова, – опустив голову и кусая пропитанный рыбным наваром хлеб, подумала Зараэль. – Да что ты знаешь?!»

А вслух произнесла:

– Вестрог? Это далеко?

– Та не, не далече. Мы на подводе за два дня добралися. Так то, почитай, с грузом. А верхами и за день управляются.

– А где здесь можно достать лошадь?

– Лошадь-то? Так то в замке лордовом, в Олломаре.

– А в деревне?

– Да ты шо, – махнула рукой Малья. – Откель тута лошади! Воны одне. Ну, можа еще ослы у изборна да у Соктня.

Их разговор был прерван тяжелыми шагами на крыльце. В дом, широко распахнув двери и отряхивая ноги от снега, вошел высокий крепкий мужик.

– Тато! – Микось сорвался, было, из-за стола, но мать остановила его.

– Сиди, ешь! Врацек! – Малья поднялась из-за стола, и приняла у мужа из рук парку. – Чего там изборн?

– Та, ничего путного, – рыбак, по-прежнему не глядя туда, где притихли за столом гостья и сын, зачерпнул из бадьи, стоящей у входа, воды ковшом, и жадно принялся пить. – Ох. Щас. Метёт то! Ктой-то сбёг в замке. Цельну кучу народу, грят, положил. Баба, что-ль, какая. Велено по всем окрестным хуторам и деревням шукать. Кто её споймает, али просто укажет, где она хоронится – награда будет.

Зараэль, услышав эти слова, положила ложку и отодвинулась от стола. Её взгляд упал на нож, которым Малья резала хлеб.

– Полдневать идем. Тебя не ждали, гость у нас. А кого искать-то? – Малья подняла брови.

Врацек, наконец, напился, бросил ковш в бадью и глянул за стол. Остолбенело уставившись на Зараэль, он с минуту рассматривал девушку. Пальцы южанки коснулись ножа, осторожно обхватили гладкое дерево рукояти.

– Да, дык, её вот! – изумленно тряхнув бородой, рыбак ткнул пальцем в Зараэль. – Точно, она!!! Изборн сказал, шо сама черная, а волосья...

– Только сунься, – прошипела Зараэль, и, обхватив сидевшего рядом мальчишку левой рукой, приставила ему к горлу нож. – Прирежу пацана!

– Та-а-а...!!! – истошно завопил Микось, но Зараэль ткнула его запястьем под подбородок, и мальчишка, клацнув зубами, затих.

– Заткнись, щенок.

– Микось!!! Зарель, ты шо, ты шо? – Малья рванулась, было, к ней, но Зараэль, вскочила, опрокинув скамью и поддергивая мальчишку вверх.

– Я сказала, не подходить! – рявкнула она.

– Микось, тихо, сыно, тихо, – у Врацека дрожали руки. – Малья, а ну, уйди. Отпусти его, ты, как тебя там. Не тронь мальчонку.

– Боишься за него? Правильно делаешь, – Зараэль кивнула, прищурившись. – Сделаешь всё, как скажу, уцелеет. Хоть что-то пойдет не так, лишишься сына. Ясно?

– Чего надоть-то? – исподлобья глядя на неё, прохрипел Врацек.

– Отвезешь меня в Вестрог.

– Зима ж, замело. Волы не пройдут.

– Не моё дело.

Врацек задумался, тяжело дыша и со страхом глядя в широко распахнутые глаза Микося. Малья тихо причитала, прижав к губам скомканный подол передника.

– Тады на лодке. Море поутихает, кажись.

– Врацек, так парус-то не чинен! – пискнула Малья.

– Управлюсь, всё одно в такую метву ни в поле, ни в море не выйти, – угрюмо откликнулся рыбак. – Да отпусти ты пацана, Висьмирь тя порази, не вру я! Как поутихнет, так и повезу! – не выдержал он.

Зараэль отвела нож от горла мальчишки, но хватки не ослабила.

– Ладно. Но смотри мне, рыбак, я словами не бросаюсь. Никуда не ходи и никому ничего не говори. А не то – будет наживка из твоих мальков.

Свет за окном сменился тусклыми гнетущими сумерками. Врацек, запалив сразу три лучины и разложив на столе куски парусины, сосредоточенно шил. Малья пыталась прясть, но веретено выскальзывало из её дрожащих пальцев. Она то и дело взглядывала на скамью, где возле южанки, поджав колени, дремал Микось. Тонкая веревка тянулась от запястья Зараэль к свесившейся с края скамьи кисти мальчишки.

За занавеской заплакал ребенок. Малья встрепелась и, отложив работу, поднялась. Она скрылась за пологом и вышла оттуда уже с младенцем на руках. Одетый в одну длинную рубашонку малыш помигивал на свет, цеплял мать за волосы и лепетал. Увидев отца, он радостно заагукал и потянул к нему ручки.

– Нет, Ястось, – Малья посадила сына к себе на колени. – Давай-ко, Ястосю кушать будет.

Она распустила шнурок на рубахе и принялась кормить малыша. Тот приник к материнской груди, довольно жмурясь и посапывая. Малья, забывшись и с умилением глядя на сына, начала негромко напевать и покачивать ребенка.

Зараэль шурилась на трепещущие огоньки лучин, смотрела, как пляшет челнок в узловатых пальцах рыбака, на его хмурое лицо, ловила беспокойный взгляд, направленный на Микося. Она смотрела на ребенка, обхватившего маленькими ручками пышную горячую грудь рыбачки, видела её мимолетную улыбку, слушала колыбельную, которую она пела своему сыну, и понимала, что завидует им. Завидует их простому человеческому счастью.

Южанке вспомнилось детство. Её колыбельной был вой ветра за пологом шатра, а тепло в холодные ночи ей дарили собаки. Равнодушие сходило за доброту, а сытость воспринималась как счастье. Любовь же...

Под боком шевельнулся Микось, и, приподняв голову, посмотрел на мать. Потом протер глаза и сел. Длинная веревка, которой Зараэль привязала его к себе, не мешала мальчику. Он некоторое время смотрел на брата, спящего на руках у матери, а потом повернул лицо к Зараэль.

– Тётя, а у тебя детки есть? – негромко спросил мальчик.

– Нет, – ответила южанка, не отрывая взгляда от младенца.

– Почему?

– Не твоё дело.

– А я знаю, почему. Потому что ты злая. Моя мато говорит, что недобрый Висьмирь деток не дает, чтоб зла не множить.

– Заткнись, – Зараэль согнула руку, натягивая веревку. Мальчик ойкнул и дернулся.

– Больно!

Врацек бросил иглу на стол.

– Оставь ты мальчишку в покое! – голос рыбака был умоляющим. – Чего он тебе содеял-то? Сказал же – повезу!

– Работай, работай, – Зараэль кивком указала на возвышающуюся на столе парусину. Но веревку все же ослабила. Врацек вздохнул и снова взялся за иглу.

– Ма-алья-а, – донесся дребезжащий голос старухи. Рыбачка, бережно неся ребенка, ушла на другую половину.

– Тётъ, – Микось коротко тронул южанку за руку и привстал. – А, тётъ, мне это... надо мне.

– Куда? – Зараэль, задумавшись, не сразу поняла мальчишку.

– Куды, – хмыкнул рыбак. – До ветру ему! Говорю те, отпусти пацана. Оно и тебе легче сдеетца. Мы тута вратъ то не привышны, коль сказал – повезу, так то и буде. Мне ведь ни до дела, от кого ты бегишь, и кто за тобой бегит. У меня своё слово. А так, ровно собаку на цепи, негоже человека держать.

Зараэль подумала, и, глядя рыбаку в глаза, отвязала веревку с мальчишечьего запястья. Микось, уже в нетерпении подергивающийся и приседающий, выскочил за дверь.

– Но ты, рыбак, помни, – кивнув вслед мальчику, негромко произнесла южанка. – У меня тоже свое слово.

– А то, – согласно откликнулся Врацек.

Вернулся Микось, поеживаясь и стяхивая снег, и помчался к матери.

– Есть хочу!

Врацек поднялся, снял парусину со стола, и сложил в углу.

– Малья, накрывай стол. Вечерять пора.

Над морем, гоняясь за волнами, бесились ветры. Они швырялись друг в друга снегом, и на суше, где шла бесшабашная игра, росли снежные холмы. Плохо придется тому, кто в такую ночь окажется в открытом ли поле, в море ли. Зараэль, лежа возле теплой печи на лавке и завернувшись в лоскутное одеяло, прислушивалась к свисту вьюги за стенами. В доме было тихо и темно. Лишь иногда пощелкивали угольки, да из-за печной заслонки пробивались неяркие алые отсветы. За занавеской всхрапнула бабка. Завозился на печи Микось, и над южанкой свесилась его маленькая ладошка. Рядом с рукой сына выставил залатанный локоть Врацек.

«Глупцы, – думала южанка, слушая, как сопит на печи рыбак. – Деревенские дурни. В их доме – чужой, возможно – враг. А они спят так, словно я родня из соседней деревни. Проучить их... дом поджечь... Интересно, кого бы он первым вытащил? Мальков своих или старуху, что за шторой кряхтит? Если б не метель...».

Она встала, подошла к бадье с водой, зачерпнула воды, попила.

Почему? Почему им должно быть хорошо и спокойно? Когда ей самой так невыносимо одиноко, тоскливо и холодно? От этого холода не спасет ни одеяло, заботливо предложенное Мальей, ни теплая печь. Горевшее в груди пламя потухло, залитое слезами ярости и горя, в полуразрушенном зале замка Олломар. Теперь вместо огня – бескрайняя пустота, втиснутая в ледяной панцирь из замерзших слез.

Зараэль снова легла на скамью, прижалась к печи. Плотнее заворачиваясь в одеяло, поджала ноги. Покусанная голень лишь изредка напоминала о себе глухой болью. Укладываясь, взглянула наверх.

«А мальчишка-то не из пугливых. Вот бы мне..., – подумала южанка, и, поймав себя на недопустимо теплой мысли, разозлилась. – Просто глуп! Такой же наивный и безголовый, как и его родители!»

Сочувствие и соучастие рожают бессилие. Нельзя, нельзя позволить теплу и слабости поселиться в пустоте! Иначе подтает, растрескается лед, и расколется панцирь. Злость и месть – ими укреплять, запечатывать, заделывать трещины. Пока она одна, сама за себя – она сильна!

Метель не утихла ни на утро, ни к исходу следующего дня. Зараэль, выходя на двор, лишь с досадой отмечала все увеличивающийся слой снега. В доме рыбака словно бы ничего не происходило – Малья спокойно домовничала, Микось то помогал матери, то играл с иногда просыпающимся братом. Врацек, помня угрозу госты, ладил парус для своей лодки и никуда из дому не отлучался. Вечером рыбацка, подсев к Зараэль, спросила:

– Как нога-то? Давай-ко, покажь. Еще раз надо полечить-то, снимай обутки. И рубаху тож, спину натру. Врацек, воды принес бы.

Рыбак послушно кивнул, отложил починку, и, взяв ведра, вышел из дому. Зараэль подозрительно покосилась на Малью, но та, словно не было со стороны госты угроз и насилия, бережно размотала тряпицу. И удивилась. Оставленные собачьими зубами раны, еще вчера глубокие и кровоточащие, затягивались на глазах. А на спине виднелись лишь розовые рубцы.

– Ох, велик Висьмир! Шибко мясо нарастает, вишь как! Живучая ты, видать.

Зараэль молча забрала из рук Мальи склянку с настойкой, и сама перевязала себе ногу.

Вернулся Врацек, поставил полные ведра у входа и довольно сообщил:

– Распоживается, кажись. Завтра и в дорогу можно.

Зараэль вскочила и бросилась к дверям. Она выбежала на крыльцо, подняла лицо и увидела на ночном небе, еще слегка застланном темными тенями облаков, звезды.

Южанка с трудом дождалась утра, и еще затемно растолкала Врацека. Тот покорно сполз с печи, спросонья ворча, что все равно придется дожидаться света, поскольку надо еще лодку откапывать, да парус ставить, и что все равно он не евши никуда не пойдет. Но Зараэль была неугомонна. Она подняла Малью, и вскоре сытый Врацек с парусинным узлом и лопатой был выпровожен из дома.

Медленно выползло из-за горизонта багряное солнце, поплелось над замерзшей землей по укоротившейся зимней дороге. Ясный морозный день, с прозрачным воздухом и искрящимся снегом, был особенно ярк и радостен после трехдневной непогоды. Микось, которому южанка в целях собственной безопасности не позволила пойти на берег, то и дело выбегал на улицу, высматривал отцовскую фигуру. Малья давно уже уложила в непромокаемые дорожные мешки припасы на дорогу, подобрала для госты теплую одежду из своего скарба. Солнце подобралось к полудню, а Врацека все не было. Терпение Зараэль начало истощаться.

– Где его носит, – цедила сквозь зубы южанка каждый раз, когда разруганный Микось возвращался в избу и отрицательно мотал головой.

– Да мало ль? Мож, лодку глубоко занесло, а мож еще чего, – успокаивала её Малья. – Не бойсь, коль мой Врацек что сказал, обязательно сполнит.

Но на Зараэль такое успокоение действовало мало. Она кляла себя за то, что не пошла вместе с рыбаком, осталась в теплом доме. И когда в дом ворвался Микось с криком «Солдаты! Там изборн, с ним солдаты!», Зараэль едва хватило выдержки, чтобы не влечь мальчишке стрелу между глаз. Она бросилась, было, к входной двери, но во двор уже входили люди в форменных накидках и с оружием. Зараэль простонала ругательство, схватила Микосю и потащила его на занавешенную половину дома.

– Молчи, зверёныш, – прошипела южанка, заталкивая мальчишку в угол между старухиной кроватью и стеной. Сама встала за подвешенной к потолку колыбелью со спящим младенцем, и приготовилась убивать.

Перепуганная Малья метнулась к двери, чтобы запереть её, но в дом, протопав по крыльцу, уже протиснулся первый латник.

– Хозяин дома? – голос был громкий и жесткий. Так говорят люди, привыкшие распоряжаться.

– А? Нету, – голос Мальи дрожал. – Как ушел с утра, так и нет.

Зараэль слышала, как скрипят половицы под тяжелыми сапогами солдат. Шаги приблизились, и южанка подняла руки, целясь в колыхающийся занавес.

– А там кто?

– Мато там, старая. Да мальчишки мои, спят, утомились. Не тревожьте их, пущай.

– Так где, говоришь, Врацек-то? – заговорил кто-то другой, неторопливо, словно бы нехотя.

– Так а... где ж? Лодку готовит, на лов же завтра пойдет.

– Это навряд. Тут, вишь, Малья, какое дело – амблизация.

– Мобилизация, – поправил его командный голос.

– Ага, ну да, она то исть. Военная, значит. Мужика твоего, да и других наших тож, в войско определяют. Как вернется, передай, штоб не мешкая собирался и шел бы к замковому литтаду. Вот, такое дело.

Малья завывала. Сначала тихо, потом громче. Зараэль, поняв, что пришли не за ней, расслабилась и неслышно подобралась к занавеске, пригрозив Микосю кулаком, чтоб не двигался. Сквозь дыру в шторе она разглядела людей в горнице. Их было трое. Один латник стоял у двери и с досадой щурился на заломившую руки и воющую Малью.

– Ладно, хорош голосить. Чтоб до захода солнца был на месте. Опоздает – будет считаться дезертиром. Дальше пошли.

Это произнес второй посетитель, пожилой солдат с рябым недовольным лицом. Он хлопнул по спине своего спутника – справно одетого мужика, который мял в руках барашковую шапку и с неловким сочувствием глядел на Малью, и пошел к выходу. Рыбачка замолчала, растерянно и испуганно глядя ему вслед. Изборн подождал, пока латники выйдут, потом опустил глаза и, запинаясь, проговорил.

– Вишь как – война. На южан собирают. Меня-то не забрали, потому как тутошний голова все ж, а парни мои уж в замке оба. Вот Соктень, тот откуп дал за сына, один он у него всё ж. Ну, на то и Соктень, ему не в натугу. Ты, слышь, Малья, ты Врацека хорошо собери. Ну, поесть там, одёжу потеплее, зима ж. Ну, вот. Пошел я, нехорошо – десятник ждет. Пять дворов еще обойти.

Изборн нахлобучил шапку, и быстро вышел. Малья села на скамью, устремив тоскливый опустевший взгляд на входную дверь.

Зараэль, озадаченная словами изборна, медленно отодвинула занавеску и вышла в горницу. «Война? На южан собирают?». Микось прошмыгнул мимо неё, осторожно подобрался к матери и приник к её боку, исподлобья поглядывая на южанку. Малья механически погладила сына по спине.

– Мато, – робко позвал мальчик. – Мато, а чего это изборн говорил? А можно я с тато в замок пойду?

– Сиди уж ты то, вояка! – неожиданно громко и надрывисто вскрикнула Малья, сильно хлопнув сына по затылку. Мальчишка отскочил от матери и заревел, потирая ушибленное место. Малья вновь залилась слезами и притянула к себе сына, утешая его.

– Ох, Микосю, Микосю, сыночко мой! Ох, и горюшко, ох, напасть-то! Как же мы без хозяина-то, без тато? Велик Висьмирь, смилуйся над нами!

Зараэль нахмурилась. Ей было неприятно слушать сетования крестьянки.

– Куда они пошли? – спросила она Малью.

– А? – подняла та заплаканные глаза. – Кто?

– Стража.

– Так дальше, по дворам.

– Это я и сама слышала. В какую сторону? К морю или по берегу?

– Так, а кто ж их знает? Где мужики есть, всё, чать, обойдут. На берегу Исслав живет, тож, видать, заберут. Еще Брыжаки там, у них сын. Но оне справно живут, мож, и откупят. Это у нас добра – хата старая да ребятня, где уж откупаться. Охеньки, горюшко-то!

Малья снова завыла, а Зараэль, пораженная внезапной мыслью, бросилась к приготовленной для неё одежде. «С-скотина..., – скрипела она зубами, промахиваясь мимо рукава ношенной парки. – Откуп, откуп... Конечно! Куда теперь?! Кругом стража! На берег? А если они уже там? Мальчишку для гарантии? Сдался им этот щенок! Прихлопнут вместе со мной. А может, не выдаст? Еще как выдаст!!! За собственную шкуру-то! Но как же не везет!».

На минуту остановившись посреди хаты, она взглянула на хозяйку и её сына. Микось, прижавшись к ничего не замечающей матери, испуганно смотрел на южанку.

«Мальчишку? Бесполезно. Солдатне всё равно. А мне лишняя обуза. Во тьму всех!».

Подняв руку, она поддержала рукав, и в этот миг уловила далекие голоса. «Вот оно. Началось». Зараэль, забыв про то, что хотела сделать, кинулась к двери, выскользнула во двор. Крики приближались с той стороны, куда утром ушел Врацек. Южанка обежала сараюшку, и осторожно выглянула из-за угла. Обогнув заснеженный холмик, показалась первая фигура – солдат. За ним еще двое, а меж ними – Врацек. Следом из-за холма, обгоняя идущих впереди, появились еще несколько стражников, и побежали к хате.

– Живей, живей! – орал тот, что был впереди.

– Мальцов, мальцов моих не трожьте! – кричал им вслед рыбак. А солдаты тащили его под руки, то и дело поддавая кулаками в спину.

Больше Зараэль смотреть не стала. Она рванула по двору в противоположную сторону, обогнула дом, и побежала прочь так быстро, как могла.

«Только бы не пустили собак, – молилась Зараэль. – Только бы не собаки! От людей как-нибудь уйду». Постройки Врацекова двора прикрывали её от глаз преследователей, но эта временная отсрочка быстро закончилась. Глубокие следы, которые она оставляла на равнине в рыхлом снегу, не оставляли никаких шансов уйти незаметно. Далеко впереди темнел лес, но Зараэль понимала, что её заметят прежде, чем она успеет до него добраться.

Оглянувшись в очередной раз, южанка увидела, как от стены дома отделилась человеческая фигура, и, помахав руками, устремилась за ней.

– Заметили. Заметили, сволочи! – выдохнула она.

Рядом с первой фигурой появилась вторая, и Зараэль разглядела в руках стража арбалет.

«Не достанет, – понадеялась южанка, прибавляя скорость. – Далеко. Пока еще далеко».

На границе леса она наметила высокое дерево, и теперь бежала к нему так, словно за толстым стволом её ждала невиданная награда. Да так оно, по сути, и было. Если успеет добежать, есть шанс выиграть бесценный приз – жизнь. Если нет...

«Гилэстэл... Гилэстэл... Я жить хочу... Жить!!!», – яростное желание немедленно оказаться в недосыгаемом лесу овладело Зараэль. Она на секунду закрыла глаза, не переставая бежать. Внезапно снег взвихрился снизу, ударив её по векам, и южанку захлестали по лицу низко росшие ветки деревьев. Зараэль резко остановилась, распахнула глаза и огляделась. Вокруг был лес. Сквозь голые ветви просвечивала белым равнина, а высокое дерево-ориентир прикрывало южанку своей тенью. Дрожа и глубоко дыша, Зараэль прислонилась к дереву.

Правую ладонь слабо покалывало. Зараэль поднесла её к глазам, и увидела, как в глубине голубого сапфира угасает свечение. Южанка подтянула тесемки на капюшоне и углубилась в лес. Далеко на равнине латники недоуменно столпились вокруг внезапно оборвавшихся следов.

«Три дня, – прикидывала Зараэль, прокладывая себе путь в снегу. – Три дня до Вестрога, если пешком. Хорошо бы выйти на дорогу. Нет, там опасно. Лучше подальше от людей».

Быстро стемнело. Послышался далекий вой. Зараэль тревожно прислушалась. Звук повторился, теперь уже ближе. Опасаясь встречи с волками, южанка забралась на дерево и устроилась в развилке меж ветвей. В холодном небе одна за другой вспыхивали звезды. Шорох под деревом потревожил её. Зараэль посмотрела вниз, и увидела зверя. Волк обнюхал утоптаный снег, задрал голову. Зараэль мысленно подсчитала стрелы в браслетах.

– Иди отсюда, пока цел, – сказала она.

Волк зевнул, облизнулся и сел. Зараэль молча смотрела на зверя, он – на неё. Внезапно из-за кустов бесшумными призраками выскочили несколько хищников, пронеслись мимо и скрылись в глубине леса. Волк, оставив свой пост под деревом, метнулся вслед за ними. Через несколько мгновений до южанки донесся удаляющийся вой. Зараэль облегченно вздохнула, проглотила пригоршню снега и прикрыла глаза.

Ночь принесла мороз. Южанка, словно птица, съежилась в ветвях, подобрав под себя ноги, укутав их юбкой и натянув пониже парку. Едва в сером рассвете стали различимы деревья, Зараэль соскользнула с дерева.

В течение дня она пару раз пересекала дороги, что вели через лес. Но выйти на них не решилась, так как было людно – мобилизация шла полным ходом. В очередной раз, затаившись за обочиной и пропустив отряд ополченцев в сопровождении латников, Зараэль пересекла тропу и углубилась в лес, держа направление параллельно дороге.

В вечерних сумерках, приглядывая место для ночлега, она различила среди деревьев отблески огня. Прячась за стволами, южанка осторожно приблизилась к освещенной елани. У костра на еловом лапнике, вороша угли палкой, сидел человек. Обок него, рукоятью на старой дорожной суме, лежал меч в потертых ножнах. К ближней сосенке был приставлен арбалет. Зараэль неслышно подобралась и притаилась за толстым деревом на краю поляны, разглядывая бивак.

Над алеющими углями, нанизанная на деревянный вертел, доходила до готовности заячья тушка. С краю костра парил кипятком помятый котелок. До южанки с дымом донесся запах жареного мяса, она слотнула слюну, и в животе заурчало.

– Выходи, не бойся, не обижу, – не оборачиваясь, спокойно и негромко произнес человек у костра. К лежавшему поодаль мечу он даже не притронулся. Зараэль медленно выступила из-за деревьев и приблизилась к костру.

– Садись, грейся, – незнакомец поднял на неё глаза и кивнул.

Он был еще не стар, но темные волосы и многдневную щетину на впалых щеках щедро разбавляла седина. Карие глаза с прищуром смотрели внимательно и оценивающе. Зараэль опустила на лапник поодаль, жадно потянулась к костру, поглядывая на незнакомца. Тот с интересом разглядывал её.

– Я Фрадек.

– Мара, – помедлив, ответила южанка.

Мужчина наклонился, задвигая в уголья прогоревшее полешко, и Зараэль увидела, как блеснул в проеме ворота серебряный медальон.

– Ты маг? – подобралась она, готовая вскочить и бежать, или дать отпор.

Фрадек запахнул войлочную куртку плотнее.

– Нет. Я ватгерн. Если знаешь, кто это.

Зараэль уняла дрожь в руках, перевела дыхание.

– Знаю.

Охотник приподнял бровь, стрельнул взглядом на девушку. Привстал, снял с рогулек вертел, и, вынув из-за пояса нож, рассек тушку напополам.

– Ешь, – протянул он Зараэль половину. – Соли вот только нет.

Южанка приняла вертел, вонзила зубы в пахнущее дымом мясо.

– Не стоит меня бояться. Я услышал тебя уже давно. Я весьма сильно ценю жизнь и не чиню без нужды вреда живым существам. Конечно, если это существо – не еда или не заказ, – ватгерн ухмыльнулся.

Зараэль перестала есть и покосилась на ватгерна. Тот перехватил её взгляд и расхохотался.

– Не бойсь, есть тебя я не собираюсь. Куда направляешься?

- В Вестрог.
- Я тоже. Не откажешь в компании?
- Зараэль дернула плечом.
- Дорога широкая.
- А что ж ты не по ней идешь?
- Опасаюсь. Солдатни полно, обидеть могут.
- Ватгерн кивнул, принимая объяснение.

Спать улеглись под заслонами из лапника, которые Фрадек соорудил близ костра. Сытость, тепло и усталость сморили Зараэль. Её не тревожили ни волчий вой в глубине леса, ни уханье проносящихся над поляной сов и шорох падающего с деревьев снега. Фрадек несколько раз за ночь подбрасывал в костер дров, разглядывая в свете его пламени неожиданную спутницу. Её крепкий и безмятежный сон позабавил ватгерна, привыкшего спать вполглаза и вполуха. В путь двинулись на заре, хлебнув кипятка с запаренными в нем хвойными иголками.

Фрадек шел ходко, выбирая наименее занесенные снегом места и звериные тропы. Зараэль, выспавшаяся и отдохнувшая, не отставала от него, иногда ловя на себе одобрительный взгляд охотника.

- Зачем тебе в Вестрог? – спросила она, догнав его.
- Оплату получить за работу.
- За человека?
- Тебя это не касается, – ответил Фрадек и прибавил ходу.
- Мне отец о ватгернах рассказывал, – Зараэль словно и не заметила ускорившийся темп. – Вы наемники, специально обученные убийцы. А я могу сделать заказ?
- Нет, – ответил ватгерн, насупившись.
- Почему? Ты же за плату работаешь?

Фрадек досадливо скривился. Видимо, ему давно надоело давать подобные объяснения желающим оплатить преждевременную кончину своих недругов.

– Видишь ли, у меня есть постоянный работодатель. Я выполняю его поручения и распоряжения. Так что я, как бы это сказать, на службе. В сведения чужих личных счетов я не участвую, убийством по найму не промышляю.

- И кто твой хозяин?
- Серое братство.

К вечеру вышли на опушку, к которой притулилась небольшая деревушка. Фрадек внимательно присмотрелся, потом сделал знак южанке, и они двинулись в селение.

– Ты чего-то опасаешься? – спросила Зараэль, от которой не ускользнул настороженный взгляд спутника.

– Того же, чего и ты, – ответил тот. – Не хочу встречаться со служивыми. Они сначала действуют, а потом спрашивают. А мне недосуг им объяснять, что я не беглый резервист.

Дома дымили трубами, но в селении было тихо – ни лая собак, ни ребячьи, что играла бы у дворов. В нескольких шагах от изгороди крайней хаты, припорошенный снегом, лежал окоченевший труп собаки с разорванным брюхом.

– Славная деревушка, – свел брови Фрадек, направляясь к порогу первого дома. На стук из-за двери послышался женский голос.

- Кочто нати?
- Хозяин дома? Мы путники, в Вестрог идем.

На голос ватгерна дверь чуть приоткрылась. Испуганная селянка оглядела путников.

- Нетути хозяина. В ратники забрали, – голос её дрогнул.
- Переночевать у вас можно?

Женщина замотала головой.

– Не злобись, илан, не пуцу. Дитки у мене малые, а вы люди дорожные, хто вас знат. Не злобись, илан.

– Понимаю. А кто пустит?

– А ступай к изборну. Его хата от моей, почитай, на семерик дворов отстоит.

Дом старосты ничем не отличался от других. Фрадек оббил снег с сапог, стукнул в дверь.

– Кочто нати? – откликнулся на этот раз мужской голос.

– Путники мы. В Вестрог идем. Ночевьем не обидите?

Дверь распахнулась, и на крыльцо вышел изборн – невысокий, сухощавый и сильно уже пожилой. Теребя редкую бородку, он оглядел путников. Задержал взгляд на оружии Фрадека, пригляделся к девушке. Пристальный взгляд изборна не понравился Зараэль.

– А проходите, – отступив, староста пригласил гостей в дом. – Свечерело уж, не гоже ходилим людям в ночевье отказать. Статуська, Зодяна, привечайте ходоков.

На дощатый стол жена и сноха изборна споро выставили жбан с пивом, миску с подмерзшей квашеной капустой, горшок пшеничной каши, выложили каравай и несколько лукович. Зараэль с её сиреневыми волосами сразу стала объектом едва сдерживаемого любопытства деревенских матрон. Изборн же, взглянув на южанку, лишь пожевал ус, и повел бровью на женщин.

– Ни мае гidyати. Ни мае байти.¹

Женщины послушно отвели глаза, встали в сторонке. Из-за занавески выглянула девочка лет восьми, стрельнула глазами на людей за столом. Потом вышла, ведя за руку малого мальчонку, и прижалась к матери. Староста сел за стол напротив, и, дав гостям утолить первый голод, заговорил.

– А что, илан не охотник ли? С оружием коли?

Фрадек легонько кивнул.

– Вроде того.

– Хороший охотник?

– Когда как, – усмехнулся ватгерн.

Староста со значением оглянулся на стоявших поодаль женщин.

– А не почтет ли илан охотник за труд помощь нам оказать?

– Какую? – поинтересовался Фрадек, зачерпнув пальцами из миски капустные полосы и отправив их в рот.

– Волк нас тут тревожит. Седмица, как объявился. Пока ратники тута были, просил извести зверюгу. Да им ни до дела, ушли и мужиков увели. Почитай, я один и остался. Ну, еще Югаш хромой да Хонька блажной, так от них проку нет. А ента тварь, ровно чует, что отпору нет, меж дворами шастать сноровился. Всех собак сманил, перетаскал да пожрал. Которых не пожрал, те сбесились. Давеча ешчо двоих ребятишек напугал, прямиком по головной улице бежал. А наемни дочка Кашичева, которую он закусал, померла. Охотников у нас сроду не водилось, да зверье к селищу и не подходит. С вилами на него идти – так почитай, всех мужиков угнали в ратники. А это чудище бешеное, который день тута. Ни за дровами, ни за сеном не выехать. Поможи, илан охотник!

– Бешеный, говоришь?

– Как есть!

– Больные волки долго не живут. Скоро сам сдохнет, – лениво ответил Фрадек, вычистив миску ломтем хлеба и отправив его в рот.

– А ну как нет? А ну как он оборотень? Поможи, илан! Не задаром просим, – и изборн высыпал на стол с десяток серебряных монет из кисета. – Все что есть, от всего селища.

---

¹ Нечего глядеть. Нечего болтать.

Фрадек медленно прожевал, глядя на монеты, перевел взгляд на стоящих за спиной изборна женщин и детей.

– Дитьку, – под его взглядом всхлипнула девочка. – Прасе, дитьку. Жилковате Анистю Кашичеву. О тае жизляка, тае бороход. Прасе, дитьку.²

Фрадек нахмурился, уставившись в пустую миску. Зараэль доела кашу, поглядывая на ватгерна.

– Где его найти? – обратился, наконец, охотник к изборну.

***

– А мой заказ ты принять не можешь, – усмехнулась Зараэль.

Они стояли у плетня с западной стороны деревушки, вглядываясь в предрассветный лес. В зимней тишине даже скрип снега под ногами звучал вызывающе.

– Это не заказ. Это помощь. Не путай.

– Дитьку, прасе, – передразнила Зараэль внучку изборна. – Все ватгерны такие жалостливые?

– Он обещал заплатить.

– Вот именно. Так заказ или помощь?

– Помолчи, – буркнул Фрадек. – А еще лучше, шла бы в хату. Помехой только будешь.

Зараэль лишь повела бровью. Охотник кинул на неё взгляд, досадливо качнув головой. Под пологом леса мелькнули тени. Фрадек, напряженно вглядываясь, подался вперед и поднял арбалет.

– Иди в дом! – прошипел он.

Зараэль отступила на несколько шагов, скрывшись от глаз ватгерна за плетнем. Ей было интересно взглянуть на охотника в деле. Внезапно из леса в его сторону метнулись темные силуэты. В рассветном сумраке они казались огромными. Послышалось рычание, потом визг и вой – стрела ватгерна сбила одного из зверей с ног. Отбросив арбалет, Фрадек выхватил меч, и, размахивая им, отпрянул спиной к плетню. Воздух огласился рычанием, воем и предсмертными хрипами. Через несколько секунд все стихло. У ног охотника валялись тела четырех псов. Не маленькие, но, все же, не чета волку.

– Принять несколько бродячих псов за бешеного волка, – усмехнулся ватгерн, отирая меч и убирая в ножны. – Да уж, действительно – у страха глаза велики. Он повернулся и увидел Зараэль, глядевшую на него из-за плетня.

– Если я сказал – уходи, значит – надо уходить, – с нажимом сказал он ей. – В противном случае, я за твою жизнь не отвечаю.

Южанка молча выслушала тираду, пожала плечами, повернулась и пошла к дому изборна. Фрадек выдернул стрелу из собачьего трупа, подобрал арбалет, еще раз внимательно оглядел границу леса, и направился вслед за Зараэль.

– За это и плату брать грешно, – пробормотал он негромко.

Она услышала и обернулась, чтобы съязвить на этот счет. И увидела мчащегося к Фрадеку зверя – бесшумного, мочаливого и стремительного. Ватгерн увидел её глаза, почувствовал дыхание за спиной, и, выхватив меч, полоснул в полуобороте наугад. Не попал. Волк сбил охотника с ног, проскочил вперед, развернулся, выметнув из-под лап снежный вихрь, и уже с громовым рыком и воем, разбрызгивая слюну во все стороны, ринулся на Фрадека. Молниеносный удар лапой выбил меч из рук, и охотник оказался под тушей зверя. К лязгу клыков зверя прибавился сдавленный крик человека. Зараэль рванулась на помощь, прыгнула, подхватывая брошенный охотником клинок. Проворно ускользая от когтей, она полоснула зверя

---

² Дяденька! Просим, дяденька! Жалко Анистю Кашичеву. У тебя меч, ты охотник. Просим, дяденька.

мечом. Лезвие соскользнуло по жесткой шерсти и рассекло широкую лапу. С ревом, исходя пенной слюной, волк кинулся на девушку. Она же, отбросив оружие, выбросила вперед руки. Сработали браслеты, и чудовище, подавившись сталью и собственной кровью, замертво рухнуло у ног южанки.

Зараэль перевела дух, и взглянула на охотника. Изрядно помятый, с прокушенной рукой, но живой, он уже поднимался с земли.

– Вошь тебе за воротник, – выругался он, подойдя и пнув истекающий кровью труп. – Просил же тебя – иди в хату!

– Сейчас бы тебя уже доедали, – ответила Зараэль, с интересом разглядывая убитого волка.

Фрадек взглянул на спутницу по-новому. Вздохнул, скривился от боли в руке, осмотрел разодранную куртку.

– Ладно. Спасибо, Мара. Я потрясен, честно. Чем это ты его?

Зараэль поддернула рукав, показывая браслет. Ватгерн лишь удивленно присвистнул.

– И для кого ж ты меня, такая беззащитная, нанять хотела?

Зараэль не ответила, только быстро взглянула на мужчину. Фрадек присел, рассматривая зверя, приподнял его морду. Озадаченно хмыкнул, нахмурился и поманил пальцем Зараэль.

– Глянь-ка. Это не обычный волк. Посмотри на его голову, челюсть коротка для волка или собаки. И это.

Фрадек приподнял переднюю лапу зверя. Лапа существа заканчивалась пятипалой, почти человеческой ладонью с кривыми острыми когтями. Зараэль ошеломленно смотрела на странное существо.

– Что за дрянь, – Фрадек с отвращением отбросил лапу и поднялся. – Ладно, идем к изборну. Мы своё дело сделали.

Изборн, провожая, беспрестанно благословлял их, и призывал на них всяческие блага. Хозяйка же изборнова, понимая благодарность в более практичном смысле, починила куртку ватгерна, и натолкала в сумку снеди на дорогу. Из деревни Фрадек и Зараэль вышли, сопровождаемые ребятней, теперь свободно носившейся по улицам.

В полдень остановились передохнуть. Глядя, как девушка заправляет в гнезда браслетов стрелы, извлеченные из убитого волка, Ватгерн вытащил кисет с полученной от изборна платой и развязал его.

– Держи, – он протянул Зараэль на ладони несколько потертых серебряных кругляшей. – Твоя доля.

Глава 3

В Вестроге было шумно и многолюдно. Постоялые дворы прибрежного городка были битком набиты солдатами, ждущими отправки на южные границы. А в город прибывали все новые и новые отряды. Трактирщики, ловя момент, ломили за постой втрое, а то и вчетверо больше обычного. Лавочники и уличные торговцы не успевали подвозить товар – все сметалось в мгновение ока. Градоначальник, пораскинув умом, быстро договорился с каптером, и армейская казенная кухня «пришла в негодность» до того момента, пока из карманов нахлынувшего в город люда не будут выкачаны все денежки. Согнанные в город деревенские мужики не раз поминали добрым словом своих жен и матерей, набивших их котомки провиантом. За городскими стенами развернулся лагерь из шалашей и палаток, где нашли пристанище ополченцы и те из солдат, кому не хватило места в трактирах или было нечем платить. Офицеры же, извлекая максимум выгоды из распоряжения главнокомандующего «оказывать всяческое содействие командному составу», расквартировались по домам горожан, нанося немалый урон их кухням и погребам.

– Куда ты теперь? – спросил Фрадек, когда они добрались до городской управы.

– В порт, искать корабль, – ответила Зараэль.

– А потом?

– Дальше, – пожала она плечами.

Ватгерн усмехнулся её немногословности.

– Что ж, прощай, Мара.

– Прощай, Фрадек.

Она ушла, затерявшись в толпе, ни разу не оглянувшись. Ватгерн постоял, глядя ей вслед, и направился знакомой дорогой.

Особняк, к удовлетворению Фрадека, был почти пуст. Корабль с учениками отбыл на Итамен два дня назад. Порядок в номерах, где размещали адептов до отправки, уже навели, и ватгерн расположился в приглянувшейся комнате. Он позволил себе повременить с отчетом, прежде отмывшись и отоспавшись. Пред очи Ардиша охотник появился только следующим утром.

– Выспался? – кивнул управитель, когда ватгерн вошел в канцелярию – Как прошло?

– Без осложнений, – ответил Фрадек, и бросил на стол перед распорядителем кожаный, с заскорузлыми бордовыми потеками, мешочек.

– Сюда-то зачем? – Ардиш брезгливо скривился, и кончиком пера столкнул доказательство выполненной работы на пол. Потом открыл один из ящиков и выложил на стол перед Фрадеком кошель. Тот взвесил его на руке, развязал и положил на стол пять монет.

– Надолго останешься? – спросил Ардиш, пряча серебро в привязанный к поясу кисет.

– Как получится, – ватгерн направился к дверям, перебрасывая позвякивающий кошелек из ладони в ладонь. – Отдохну пару дней, а там видно будет.

Управитель потер подбородок, словно бы сомневаясь. Потом решил.

– Фрадек! Тут еще работенка образовалась. Барон Ван Рейк перед отплытием поручение оставил.

И подал ватгерну лист. Тот прочел, поднял глаза на управителя, прочел еще раз, вернул его Ардишу.

– Другие ватгерны знают?

– Конкурентов опасаясь? Позавчера Сарадан был, он знает. Ну и, само собой, городская дружина. Если поспешишь, внакладе не останешься.

Фрадек развернулся и вышел.

***

Когда Зараэль добралась до гавани, город уже мерцал огнями вечерних фонарей и факелов. Причалы, у которых ждали своего часа десятка полтора военных кораблей и рыбацкие лодки, были немногочисленны. Побродив по грязному порту, южанка добралась до домика распорядителя. На долгий стук выглянул хмурый мужик в форменной накидке.

– Чего долбаешь? Чего надоть?

Увидев девушку, облизнул губы, улыбнулся.

– У, какая нечаянность! Здрэвы будьте, иланна. Входите, стужа-то нешуточная. У меня тепло, и харч на столе. Посумерничаем.

– Ты распорядитель порта? – не ответив на приветствие, спросила Зараэль.

– Навроде того, – отер усы ратник.

– Мне нужен корабль.

– Так-таки корабль? – расхохотался служивый. – Вона, выбирай любой.

Зараэль подождала, пока утихнет его смех, и повторила.

– Мне нужен попутный корабль.

– У них у всех, окромя рыбацких, один путь – на юг, – кивнул ратник на темные ряды судов. – Ежели тебе туда, то милости просим. Одначе, иланна, будь я кроткой девицею, не совался бы. Но уж коли подзаработать охота, так вестрогские «мамки» набирают девок для нашего славного воинства. Могу и адресок подсказать.

Зараэль вздохнула, размышляя – убить хама или покалечить. Сдержалась.

– Мне нужен корабль на остров Норхет.

Распорядитель поперхнулся хихиканьем, посерьезнел, стараясь взглянуть в лицо стоящей перед ним девушки. Сумерки и капюшон не позволяли рассмотреть её.

– Отсюдова такие не ходют, – ответил холодно, скрываясь в доме.

– А откуда «ходют»? – Зараэль пнула ногой дверь. Ответа не последовало.

Пнув с досадой еще пару раз по двери, Зараэль отошла к причалам. К плеску волн и шелесту вымпелов на мачтах примешивались голоса уходивших в город рыбаков и ратников. Южанка обернулась на шорох береговой гальки позади. К ней, попинывая камушки и заложив руки за спину, подошел некто – долговязый, в драной свитке.

– А корабль будет, – остановившись поодаль, словно бы и не к ней обращаясь, скрипуче проговорил человек. – Только он не отсюда отплывает.

Зараэль оглядела незнакомца.

– Говори.

– Говорильня денег стоит, – стрельнул тот на неё глазами.

Зараэль подумала, и, достав монетку, показала её долговязому. Он протянул ладонь, пристально разглядывая девушку с хитровой улыбкой.

– Говори, – повторила она и зажала деньгу в кулак.

– Ежели ты в маги собралась, то тебе сперва в их приемный пункт надо, – уже с открытой насмешкой ответил тот. – Могу показать, где это. Их корабль раз в месяц приходит на дальний пляж.

Зараэль разочарованно убрала монету.

– Это мне не подходит.

Незнакомец озадаченно замолчал. Зараэль медленно двинулась прочь.

– Погоди, – догнал он её, и зашептал, – а деньги? Деньги есть?

Зараэль достала монеты, полученные от Фрадека.

– Это пока всё. Остальное заплачу на месте.

– А сколько?

– Я не жадная. Называй сумму.

У долговязого загорелись глаза. Он закусил губу, с вождением уставившись на деньги.
– Приходи сюда. . . , – он почесал за ухом. – Да, как городские сторожа второй раз пройдут, так и приходи.

Прошуршала галька, и незнакомец затерялся за портовыми постройками. Зараэль еще постояла на берегу и пошла в город. Ближайший к порту трактир светился окнами, двери то и дело хлопали, впуская и выпуская посетителей. Продрогшая южанка вошла в жаркий зал, заполненный людьми, пропахший запахами еды и табака. Трактирщик, потный и красный, метался за стойкой, покрикивая на прислугу. Очаг пылал, потрескивая капавшим на уголья жиром с жарившихся индюшачьих тушек. Служки сновали по залу, подтаскивая к столам полные подносы, и убегали на кухню с пустой посудой. Южанка оглядела зал: плащи, накидки, нашивки с гербами Вестрога – тремя красными рыбами на синем фоне, и Зоротронда – желтым снопом на голубом фоне, – трактир был полон ратников. Кое-где за столами серел одеждой простой люд. Зараэль пробралась в сумеречный уголок, примостилась на пустой бочке, пахнущей кислой капустой, и задремала, игнорируя дразнящий запах еды. Её никто не тревожил. Время от времени ровный гул голосов нарушался то смехом, то краткой перепалкой посетителей. А то трактирщик прибавлял громкости голосу, подгоняя подручных.

С порывом свежего воздуха, ворвавшегося в открытые двери, в трактир вошел новый посетитель – старик в долгополой поношенной одежде. Он постоял на пороге, разглядывая зал, и побрел к очагу. За спиной у старика была котомка, из которой выглядывал потертый гриф лютни. Трактирщик кинул взгляд на музыканта, указал на скамью у очага. Сидевшие там люди, завидя барда, сдвинулись плотнее, освобождая ему место.

– Садись, тато, грейся – один из мужиков похлопал ладонью по скамье.

Старик протянул морщинистые дрожащие, с синими прожилками руки к огню. Немного отогревшись, он бережно извлек из вида выдавшей торбы инструмент. Коснулся худыми узловатыми пальцами струн, так, как касаются на заре личика нежно любимого дитя, будя его. Старческий голос задрезжал надтреснутым медным бубенцом, слишком тихим, чтобы его расслышали в глубине зала.

Зараэль услышала. А, услышав, повернула голову и замерла, не сводя с певца глаз. Слова были немудры, да и исполнение оставляло желать лучшего. Но было в песне что-то, что заставило южанку с напряженным вниманием вслушиваться в каждую новую строчку. Звуки музыки, извлекаемые бродячим певцом из старого инструмента, всколыхнули в её душе образы утраченного прошлого. Прошлого, за которое она поклялась мстить.

Приголубь меня, Зима,
Не серчай напрасно.
Для меня лишь ты одна
Мила и прекрасна.

Перед глазами возникло неподвижное лицо магистра, искаженное страданием. Его белые волосы, спадающие на поникшие, придавленные тяжестью камня и поражения, плечи. Ей так нравилось перебирать эти шелковые пряжи, отдыхая у него на груди.

Скуй мне панцирь ледяной
В кузнице у стужи,
Плечи слабые укрой
Льном морозных кружев.

Рыхлые холмики, наметенные начинающейся пургой у разбитой стены Олломара. Припорошенное снежной крупой лицо Астида, белое и холодное, навеки запомнившееся в ало-черном контрасте.

Белый плащ мне подари
На подкладке снежной,
Острой льдинкой на груди
Заколи небрежно.

Яркий красный высверк под поваленными колоннами, и бесстыдно обнаженный ужас на черепе Улле. Закрошенный мелкими осколками пол, а на нем – неподвижная фигура Иннегарда, широко разметавшего безжизненные руки. Его погасший взгляд, устремленный на еще мерцающие огоньки светильников вверху.

Молоком от звездных стад
Ты меня попотчуй.
Пригласи в свой дивный сад
Вьюжной зимней ночью.

И снова – Гилэстэл. Светлые глаза, мягкие губы, пьянящее тепло тела. «Разве я говорил, что люблю тебя?» – надменно. «Ты нужна мне, Зараэль» – проникновенно. «Я люблю тебя, меа пития аранэль!» – нежно, в последний раз. Самый последний.

Подари мне мой приют,
Дом в земле остылой.
Дом, который назовут
Хладною могилой.

Перстень, зажатый в кулаке, еще хранящий тепло его пальцев. Распахнутое окно в сад и тающие в глубине заснеженной аллеи фигуры всадников. Удаляющиеся от берега корабли, боль, бессилие и одиночество.

Буду петь там о любви
Я хозяйке нежной.
А весной из губ моих
Вырастет подснежник.

Всхлипнули струны, и певец замолчал. В трактире повисла тишина. Зараэль выпрямилась, глубоко вздохнула, прогоняя нечаянные образы. Люди, оставив кружки, забыв о еде и разговорах, заслушались старого певца. За большим столом, нахмурившись и понуро уставившись в полупустые миски, притихли ратники. Сидевшие в уголке девки украдкой вытирали с накрашенных глаз слезы. Печальный трактирщик, облокотившись на стойку, забыл о вертелах над огнем, и жаркое на них подгорало. Утомился беспокойный ребенок на руках у крестьянки, а она, прижавшись к мужу, горестно покачивала головой. Кто-то робко кашлянул, кто-то выдохнул – «Охх-ох-оо».

– А ну, хорош выть! – громоподобный удар кулака по столешнице мгновенно согнал всеобщее оцепенение. Из-за стола, опрокинув табурет, рывком поднялся хмельной солдат. – Чё ты, как шавка на погосте, скулишь? Чего уныть нагоняешь?! И без тебя тошно!

– Разве ж на войну так провожают? – поддержал его второй, поднимая голову и зло глядя на певца. – Что сгинем, и сами ведаем. А вот бы – плясовую, али шутейную, чи про героев каких... Чтоб нам сподручнее этих южных псов крошить было!

– Ага, – поддакнул еще один ратник, вставая и делая шаг в сторону старика. Тот, испуганный таким неожиданным оборотом, съежился под недобрым взглядом солдата. – А ты, ровно моська, их разрисованные зады лижущая, о смерти нам воешь.

Он приблизился к старику и схватил инструмент, который тот прижимал к груди.

– Нет, умоляю! Илан! Только не лютню! Ила-ан!!

Вцепившись одной рукой в гриф, а другой – в сюркот ратника, старик истошно заверещал. Солдат, осерчав, сграбастал старика за шиворот и дернул лютню из цепких пальцев. Одна из струн порвалась с мучительным стоном. Старик вскрикнул так, словно его стеганули кнутом.

– Да что ж ...!

Певец рванулся за своей кормилицей, ткань на груди ратника треснула, и оторванный лоскут повис собачьим ухом. Инструмент и его владелец брякнулись на пол, когда солдат, выпустив их, схватился за испорченную накидку. Мутные хмельные глаза налились яростью.

– Ах, ты, крыс седохвостый! Ящерица крюколапая! Да я тебя... Да я твою пиликалку... Убью!

Он, кроя всех музыкантов, на чем свет стоит, занес ногу для удара. Певец на полу скорчился, поскуливая и накрывая лютню своим телом. Из-за стола повскакивали остальные ратники, повисли на плечах товарища, оттаскивая его от фигуры в лохмотьях, скрючившейся на затоптанном полу.

Послышалась плюха, чья-то челюсть хрустнула под кулаком разгорячившегося зачинщика, кто-то заорал, заматерился басом, и завязалась свалка. В ход пошли увесистые глиняные кружки и кувшины со стойки. Тяжелая посуда быстро кончилась, сменившись легкой мебелью. Трактирщик то причитал, когда очередная миска разлеталась в куски о чью-то спину или голову, то, хоронясь за стойкой, орал, грозя вызвать стражу. Проснувшийся крестьянский дитёнок обливался слезами и отчаянно голосил, зовя мать. Она же визжала, вцепившись в жупан своего благоверного, который с азартом деревенского задиры пытался сбросить с себя её руки, и встрять в драку. Крестьянке вторили пронзительные голоса девок, подзадоривающих солдат. Остальные посетители трактира благоразумно ретировались, едва дело стало принимать угрожающий их здоровью оборот.

Про певца в этом бедламе забыли начисто. Подвывающий от страха, он ползал по полу, пытаясь выдернуть из-под черепков и обломков мебели свою лютню, и удивительным образом избегая пинков чужими сапогами. Зараэль подметила, как к нему резво подскочил подручный. Подняв и подтащив старика к двери, вытолкал вон, следом выкинул поломанный инструмент и котомку.

Южанка поднялась и окинула быстрым взглядом зал. Проворно скользнув вдоль стены к выходу, она подхватила с чужого стола ковригу и надкушенное кольцо вяленой колбасы, и спрятала их под полами плаща. Никто не обратил на Зараэль внимания, не заметил, как открылась входная дверь, и девушка покинула шумный трактир.

С неба падал густой тихий снег. Южанка пошла прочь, на ходу жуя хлеб. Снежные хлопья, опускающиеся на пористую мякоть, холодили язык и губы.

– Иланна, – послышался слабый голос. Зараэль пригляделась, и у поленницы увидела старика-музыканта. Он забился под невысокий навес, на дрова, и сидел там, обернувшись дырявым шерстяным плащом. Торба с лютней лежала рядом.

– Иланна, – повторил певец. Глаза его жадно впились в ковригу в руках южанки. – Будь милостива, иланна, подай старому музыканту.

– У меня нет денег, – сухо бросила Зараэль, и отвернулась, собираясь уйти.

– Иланна! – в голосе старика отчетливо слышалось отчаяние. – Не сердись, милостивая госпожа. Ужель я повинен в том, что война идет? Я всего-навсего певец. Не дай мне помереть с голоду, иланна. У тебя есть хлеб. Дай мне немного.

Зараэль остановилась, глядя на краюху, потом перевела взгляд на старика. Тот смотрел на неё глазами побитой собаки. Посиневшими от холода пальцами он нервно дергал и комкал плащ, пытаясь побольше натянуть его на дрожащие плечи.

– Зачем тебе хлеб, старик? – светлые глаза смотрели холодно и бесстрастно.

Старик опешил. Он привык, что на такую просьбу бывает только два ответа – да или нет.

– Это... Как... Хлеб? Так ить, чтоб с голоду не помереть, – растерянно ответил он..

– А зачем тебе жить? Ты стар и слаб. Какой от тебя прок? Или у тебя есть цель, ради которой тебе непременно нужно жить?

– Цель? Какая цель? – еще больше растерялся певец. – Я играю на лютне, пою, а люди слушают мои песни.

– А потом бьют, – губы южанки презрительно покривились.

– О, – огорченно покачал головой старик. – Так ведь не всегда бывает. Просто... Просто не повезло сей день. Помогите мне, добрая иланна. Я уж два дня ничего не ел. Окажи милость, не дай умереть медленной смертью.

– С какой стати я должна тебе помогать, себе в ущерб? Я тоже голодна.

– Ты молодая, сильная, тебе легче еду добыть. А я – всего лишь нищий, никому не нужный старик. Смилуйся надо мной, славная иланна. Помогите.

Музыкант опасливо, и в то же время с надеждой, косился слезящимися от старости глазами на стоящую перед ним девушку. Хлеб в её руках притягивал взгляд. Старик, на секунду забыв о холоде и перестав поддергивать тряпье на плечах, неосознанно потянулся к краюхе. Зараэль отступила, а музыкант, опомнившись, съежился и торопливо подтянул плащ.

– Ну, раз ты считаешь, что я славная... – медленно произнесла южанка и подняла руку. – Я помогу тебе. Окажу милость и не дам умереть медленной смертью.

– Да вознаградят тебя..., – повеселевшим голосом начал, было, старик, но вдруг осекся. Он понял, но испугаться уже не успел. Последнее, что видел музыкант, был краткий блеск металла на браслетах. Короткая стрела утонула в красном водопаде, хлынувшем из левой глазницы, и, пробив затылок, вонзилась в полено. Несуразно взмахнув руками, старик откинулся на дрова и обмяк. Правый широко открытый глаз певца с признательностью продолжал смотреть на Зараэль, когда она опустила руку.

– Снег. Везде снег. Как же он мне опостылел, – пробормотала она, подпихивая ногой к поленнице свалившуюся с неё котомку. – Получай свой приют.

Зараэль оглянулась на окна трактира. Голоса внутри стали тише. Того и гляди, на крыльцо вывалится кто-то из посетителей, или явится стража. Южанке ничуть не улыбалось быть застигнутой на месте преступления, и, надвинув глубже капюшон и с прежним аппетитом взявшись за еду, она скорым шагом покинула двор.

Она вернулась на причалы и примостилась у перевернутых лодок. У кромки воды росли снежные бугорки, то и дело слизываемые волнами, накатывающими из-под обледенелых причалов. Здесь было темно, тихо и холодно. Но возвращаться в жаркий, шумный, провонявший потом и горелым жиром трактир не хотелось. Слабо светилось окошко в домике портового распорядителя. Вскоре погасло и оно. Зараэль стряхнула крошки с колен, плотно закуталась в плащ и погрузилась в воспоминания.

На далекий стук колотушки и еле различимый протяжный голос сторожа «втора-ая стра-ажа-а» она пошевелилась, осторожно выглянула из-за края борта. Острый слух позволил еще издали расслышать скрип снега под ногами подходящих к причалам людей. Силуэт одного Зараэль узнала – ей недавний долговязый собеседник. Мерцающий огонек трубки время от времени освещал лицо его спутника – бородатого и длинноносого.

– Не видать еще, – оглядел пляж долговязый. – Подождем.

Бородатый согласно пыхнул трубкой. Они остановились недалеко от того места, где затаилась Зараэль. Ждали молча, переминаясь с ноги на ногу. Южанка, наконец, решилась и вышла к ним.

– Я здесь.

Они повернулись на голос. Бородатый вынул изо рта трубку и зажег небольшой факел. Оглядел подошедшую девушку. В дрожащем свете Зараэль увидела, что поверх войлочной куртки незнакомца надета форменная накидка с изображением рыб, перепоясанная широким ремнем.

– Она? – спросил долговязый у бородатого.

– Кажись да.

Длинные, неожиданно сильные для худого тела руки, обхватили Зараэль. «Грабеж?» – промелькнула недоуменная мысль в голове у южанки. Она обмякла в руках долговязого, ожидая, что будет дальше. Бородатый снял с её головы капюшон, подсвечивая себе и с удовлетворением щурясь на сиреневые волосы.

– Она, – констатировал он, и кивнул своему спутнику. – Тащи.

Тащить себя Зараэль не позволила. Используя долговязого, как опору, она согнула колени и саданула бородатого в самое уязвимое место – меж ног. А когда он, выронив факел, пополз вниз, ударила носком под ухо. Взбрыкнув, бородач рухнул навзничь. Южанка скользнула вниз, высвободившись из захвата, и долговязый, сбитый с ног ударом под колени, повалился на припорошенную снегом береговую гальку. Браслеты отщелкнули пару стрел, и вновь наступила тишина. Зараэль с досадой взрыла пинком снег, оглянулась на темный дом распорядителя.

– Скоты.

Обыскав обоих, она сняла с пояса у бородатого кошель, в котором оказались кремень, кресало, мешочек с трупом, несколько монет медью и серебром, и пара игральных костей. Потом отволокла и затолкала тела под заледеневшие, заснеженные лодки. Присела отдохнуть, радуясь непрекращающемуся снегопаду и размышляя, что делать дальше. Судя по поведению этих двоих, похороненных до весны под лодками, их интересовали не её деньги. Интересовала она сама. Значит, здесь её ищут. Слишком близок городок к Олломару. Следовало отсюда уходить.

***

Фрадек быстро шел по направлению к порту. У «Старой улитки» недовольные солдаты разгоняли толпившийся народ.

– Неча тут! Покойников не видали што ль?

Ватгерн насторожился, подошел ближе. На ступенях трактира городская стража допрашивала хозяина, а тот потрясал руками, оправдываясь. У сарая помахивала хвостом и дышала паром мохнатая лошадка, запряженная в телегу. Возле поленницы копошились солдаты из городского гарнизона. Фрадек протиснулся вперед, к крыльцу, прислушиваясь к разговору трактирщика и капитана ратников.

– Да не знаю я, когда это случилось. Драка была, оно так. Дык Петко его живого за дверь выставил. А уж чего там ночью было – не ведомо. Народ до полночи шлялся, рази всех углядишь. Сами в город шушеры нагнали, а я отвечаю....

– Кто таков? – один из солдат положил Фрадеку руку на плечо, внимательно вглядываясь в лицо.

Тот молча вытащил из-за ворота медальон.

– Прощенья просим, – отдернул руку ратник.

– Что случилось?

- Человека порешили.
- Кого? – внутренне напрягся охотник.
- Старика, музыканта. Да вон, сами поглядите.

Ратник растолкал зевак, подвел Фрадека к поленнице, залитой кровью. Скрюченный зачоченевший труп певца стражники уже погрузили на телегу. Поломанную лютню бросили рядом.

- Чем его? – ватгерн склонился над телом.

Солдат пожал плечами.

– Не разберу. Не то шилом, не то иглой. Да вона, в бревне торчит. Какая силища нужна, чтоб эдак-то.

Фрадек присмотрелся к орудию убийства. По спине пополз нехороший холодок.

- Нашли, кто это сделал?

– Какой там, – махнул рукой стражник. – Следы замело, а ежели и были, так постояльцы затоптали. Его кухарка поутру нашла, как за дровами пришла. Вечером из-за него, как люди говорят, драка в трактире была – служивым песня не по нраву пришлась. Видать, за то и порешили.

В порту Фрадек обошел каждый причал. Никто из вахтенных, дежуривших на кораблях этой ночью, никакую девушку не видел. Только распорядитель порта сказал, что была на закате какая-то, спрашивала попутный корабль.

- В Норхет собиралась, иначе, – и мрачно сплюнул.

- Куда?! – несказанно изумился ватгерн.

Потратив около трех часов, он покинул причалы с чувством глубокого презрения к своей интуиции. Проходя по рынку, прилегающему к порту, Фрадек вздрогнул, зацепив взглядом знакомый силуэт. Она покупала у торговки лепешку с рыбой. Быстро подойдя к девушке, охотник ухватил её за локоть и повлек за собой. Зараэль удивилась появлению своего недавнего спутника, но послушно последовала за ним.

– Ты что творишь? – зло прошипел Фрадек, когда они укрылись под аркой одного из домов.

- Ты о чем? – в голубых глазах светилось невинное недоумение.

- Я про старика в трактире. Зачем ты его убила?

- С чего ты взял...

- Не держи меня за болвана. Твоя работа.

- Он сам попросил, – дернула плечом Зараэль. – Я ему помогла.

- Попроси-ил?! – протянул ватгерн.

- Да. Он сказал, что не хочет умереть медленной смертью. Я его пожалела.

- Ты... ты просто... чудовище, – нашел Фрадек подходящее слово.

Зараэль рассмеялась.

- Тебе ли меня судить? Ты за это плату получаешь.

Ватгерн скрипнул зубами, пропустив колкость.

- Зачем тебе в Норхет?

Глаза девушки сузились.

- А вот это не твое дело, охотник.

– Согласен. Уходи из Вестрога немедленно. Тебя ищут по всему побережью – стража, ватгерны. Теперь понимаю – за что. За твою голову – заметь, только голову – награда полагаётся. Это мой должок, за волка.

- А если бы не волк? Ты бы меня убил сейчас?

- Уходи. Если я говорю – уходи...

- ... значит, надо уходить, – усмехнулась южанка.

- Ничего смешного. От людской своры тяжелее отбиться, чем от зверья.

– Я не боюсь, – мотнула головой южанка.

– А стоило бы, – мрачно ответил охотник. – И не попадайся мне больше – ибо свой долг я тебе уже отдал.

Зараэль всмотрелась в его лицо, потом повернулась и пошла прочь.

Глава 4

Подвода громыхала по обледенелой дороге. Зараэль, подобрав ноги, сидела на пустых мешках, накрывшись толстой дерюгой. Совсем недавно она уяснила для себя интересную вещь – нет необходимости устилать путь трупами. Иногда этого не требуется. Как сегодня, когда она намеревалась уйти из города. У городских ворот патруль проверял всех, покидающих Вестрог. Порожние телеги и возы скопились у выезда, а возчики крыли солдат, на чем свет стоит. Зараэль из-за угла наблюдала, как невозмутимо стражи орудуют по возам, расшвыривая мешки и корзины. Как вглядываются в лица людей. С одной женщины – чернявой и сероглазой, чей муж негодуяше орал, пока его держали солдаты, сорвали платок. Оглядели, отпустили. Зараэль отступила за стену, прикусила ноготь, задумавшись. Мимо по булыжникам прогрохотала пустая телега, запряженная парой волов.

– Стой, стой, – возница – седобородый старик в малахае и тулупе, натянул вожжи, поравнявшись с южанкой, и хлопнул себя по коленям. – Вот нежадача, и тута жатор.

Он слез с телеги, обошел её кругом, глядя на колеса, сокрушенно покачивая головой.

– Ох, дорожка городская. На булыжниках энтих и шкворни порастерять не долго. Как ж, милая, живете тута, а? Пятки, небось, в шишках?

И, повернувшись к Зараэль, вопросительно поднял брови.

– Я не местная, – раздраженно буркнула южанка, отвернувшись от старика, и продолжив наблюдать за воротами.

– Чего на стражу жыркаешь? – заинтересовался дед. – Вытти хошь? Натворила чего? Ох, молодежь. Сперва в город на жаработки, а потом до дому голяком.

– Ты чего пристал? – холодно взглянула на него Зараэль.

– Я говорю, ежели стражу опасаясь, прыгай ко мне в телегу. Висьмирь не выдаст – волк не съест.

Зараэль опешила. Дед понял её замешательство, поманил рукой.

– Давай, давай, жалежай, ложися, да дерюжкой вона прикройся вся. И стони погромчей.

– Чего делать? – не поняла южанка.

– Стонай, хнычь, ай-ай, ох-ох, – дед скорчил болезненную мину.

Подъехали к воротам. Зараэль, наученная дедом, скорчилась под дерюгой, стонала и всхлипывала почему зря.

– Чего везешь? – услышала она рядом с телегой голос низкий мужской голос.

– А чего отседова вывезешь?! – внезапно накинулся на солдата дедок, замахиваясь хворостиной. – Мало того, што впополам жа харч жаплатили, ешчо и внучку попортили! Бесстыдники железнолобые! Вона девка, совшем шлегла, до чахотки довели, поди!

Кто-то из солдат хохотнул. Зараэль подпустила в стоны переливов, захрипела и закашляла.

– Эй, дед, потише! – отступая, возмутился солдат. Потом, осторожно приподняв край дерюги, попытался заглянуть под неё.

– Ты ешчо под подол ея жагляни! – взвизгнул дед, и несильно щелкнул солдата хворостиной по руке. – У самого, небось, жинка имеется, так чего под чужие юбки жыркаешь?

– Проезжай! – рявкнул солдат, которому надоела эта перепалка.

Дед, не переставая браниться и хулить солдатские нравы, хлестнул волов, и телега проползла в ворота, минуя стражу и оставляя позади Вестрог.

Зараэль взглянула на деда, правившего волами, и снова подумала о том, как мало она знакома с миром вне острова, на котором выросла.

Возчик оглянулся и доброжелательно улыбнулся оставшимися тремя зубами.

– Ожябла? – спросил, пришепетывая.

– Немного.

– Ништо, малость погодь. После жаката до Прилесья дотрюхаем, на ночь на постой у Жобешка встанем. Я тама жавсегда ночую. Жавтрева черный лес минуем, а тама, почитай, и Грижень.

Зараэль неловко улыбнулась деду. А тот, отвернувшись, легонько стегнул волов хворостинной.

– Шибче, шибче, орлики мои.

Южанка скользила взглядом по заснеженной равнине с редкими перелесками, по которой тянулась дорога. Во встречном направлении шли все новые и новые дружины ополченцев – в разнокалиберной одежде, с котомками за спиной. Один раз прогремел доспехами литт ратников под вымпелами Зоротронда. Туда же двигались обозы с провиантом и снаряжением.

Деду не сиделось спокойно. Он снова обернулся, пытливо глянул на Зараэль.

– Сама-то откель? Вейерхольдская, небось?

– Почему так решил?

– Черненькая ты. А тама полно таких – ронжейцы обок с нами живут. Да, довелось и сайельского винца хлебнуть, и девчат вейерхольдских пожимкать. Хех! – дед весело подмигнул. – Сам-то я с под Суржину. По молодости в войске у лорда Ригестайна десятником ходил. Потом уж вот здесь осел, жинку жавел, детками Висьмирь не обидел. У меня ж две внучки твоего возрасту. А пацанов-внуков пятеро. Еще двое на подходе – дочка и сноха на сносях.

– Ты служил у лорда Ригестайна? – заинтересовалась Зараэль.

– Служил, – гордо подтвердил дед и приосанился. – Довелось и в деле его повидать. Могутный воин, скажу тебе. И чародей сильный. Помню, на Желтоводной с нортами бились. Так он с полдюжиной своих ратников супротив их комры стоял. А комра, почитай, наш литт – сто человек. Кого мечом, кого колдовством – одолел. Вот какой это воин. А потом, как отбились, в жамке своем гулянье для командиров устроил. Ну и нам немало перепало. Не плохой он, хоть и боятся его. И тож правильно: бояться не будут – уважать перестанут.

– А замок у него где? – спросила Зараэль. Она знала, что южные рубежи, Сурзин и Вейерхольд – вотчина Ригестайна, но редко его видела и мало им интересовалась.

– На юге, аккурат под Суржином. С городских стен замок видно.

После заката добрались до Прилесья – деревни в два десятка дворов, стоявшей на полет стрелы от мрачного, черного леса. Дорога напрямик уводила под темный полог деревьев, но дед направил волов в деревню.

– Негоже ночью туда жаходить.

– Почему?

– Проклятый он, дурной. Люди там пропадают. О, да у Жобешка людно! Добро, обозом через лес пойдем. Оно так спокойней.

Задворки крайней избы были заставлены телегами и повозками. Дед поставил свою с краю, распряг волов и надел им на морды торбы с овсом.

– Пойдем, – поманил он Зараэль, всходя на крыльцо. – Не скучно сегодня вечерять будет.

Вошли в сени, сбросили верхнюю одежду, и ступили в дом. Хата была полна народу. Сидели тесно на лавках за столом, хлебали жижу из большого котла. Хозяйка, уже не молодая, возилась у печи, ворча и шуруя в ней ухватом. Девушка лет шестнадцати суежилась у стола, помогая хозяйке. С печи на постояльцев с любопытством разглядывали четверо детей – три папаненка и девочка.

– Здоров будь, Жобешек! – возчик махнул рукой в сторону хозяина – красномордого здорового мужика.

– А, Диниус! – узнал хозяин гостя. – Годи, годи! Мае Качке кизив – паче Диниус о Вестрог хирч добезши до строжов, надени до Уборовище буди.³

– Мимо не проехать, – согласился дед. – Принимай нас на ночевье. Входи, как тебя там. Зараэль прошла вслед за дедом в жаркую, пахнущую чесноком и овчиной, хату. Хозяин, сильно хромая на кривых ногах, вкатил из сеней две бочки, придвинул их к столу.

– Хирчуйте. Качка, нав чорпошки⁴.

Южанка, уже и не помышлявшая о вилках и тарелках, потянулась к котлу наравне с возчиками. Хмурые мужики, утомленные дорогой, ели молча. На смуглую девушку за столом внимания почти не обратили – мало ли кто по дорогам ходит. После недолгого ужина половина постояльцев отправилась спать в овин. В хате остались Зараэль с дедом, парнишка лет пятнадцати с отцом-инвалидом без левой руки, и пара возчиков в преклонном возрасте. Зараэль определили спать на лавке. Пока хозяйская дочка стелила на лавках и полу овчины, Зараэль вышла на воздух.

Морозная звездная ночь успокаивала тишиной. Волы дышали паром, мерно пережевывая корм. Невдалеке чернел лес. Южанка отошла к возам, взобралась на телегу, слушая зимнее безмолвие и глядя поверх темной стены деревьев на сияющие в вышине звезды. Внезапно ей показалось, что звезда сверкнула под пологом леса. Зараэль моргнула. Когда она открыла глаза, в глубине леса, то выплывая, то пропадая за стволами, засияли еще несколько серебристых огоньков. Южанку пробрал озноб. Она, вцепившись в край телеги, взгляделась в лесную глубь. Из-за стволов, не покидая границы леса, выплывали мерцающие голубым светом неясные фигуры. Спрыгнув с телеги, она со всех ног бросилась в хату.

– Там кто-то есть! – выпалила она, ворвавшись в дом.

– Где? – обернулись к ней.

– В лесу, – Зараэль запнулась. – Там что-то... плавает... голубое.

– А, – махнул хозяин без интереса. – Завсегда так ночью. Не пужайся, оне токма в бору. До сюда не ходют. Вот к ним ходить не след, так что ложись. Вона, на лавке тебе постелено.

– А кто это? – Зараэль села на лавку, покрытую овечьей шкурой и определенную ей постелью. Слова хозяина, произнесенные будничным тоном, немного успокоили её.

– А кто знат? – пожал плечами тот. – Я с ними не ручкался.

– Это духи проклятых жителей этого леса, – подал голос один из возчиков-стариков. – Слышал я сказ про этот лес. Но уж точно не помню всю историю. Песней-то она хорошо до ума доходит, а простыми словами и не передашь.

– И я слышал, – подтвердил Диниус, разлегшийся на полу на овчине и укывшийся своим тулупом. – Этот сказ славно Барн-северянин поет.

– Уже не споет, – мрачно заметил однорукий. – Порешили его намедни в Вестроге.

– Как?! – всколыхнулся народ. – Как рука-то поднялась, на певца? Старика тем паче?

– А так. В трактире, говорят, в драке положили. Служивым песня не по нраву пришлась, они его и того... А то певец добрый был. Он-то это предание точно знал. Да и других немало помнил. Руки б у того поотсохли, кто его кончал.

Люди замолчали, кто-то печально вздохнул. В эту минуту Зараэль поняла еще одну вещь – бардов убивать не след.

– А о чем история? – спросила она.

– О древних временах, – ответил старый возчик. – Кажись, об этих, как их, ельвах.

– Эльфах? – удивилась южанка.

– Об них. Вроде как междоусобица случилась, про чародея там еще, ну и про проклятие. Ладно, это все дела минувшие. А нам о грядущем дне думать надо. Спать.

³ Входи, входи! Я Качке говорил – если Диниус в Вестрог провиант повезет для солдат, на днях и в Прилесье будет.

⁴ Ешьте. Качка, дай ложки.

В окно смотрели холодные, неизменные с начала времен, звезды. Проклятый лес, лишенный всякой сущей жизни, звучал тихими, нечеловеческими голосами. Зараэль, засыпая под людской храп и сопение, пожелала себе увидеть во сне минувшие дни.

Наутро собрались затемно. Пока хозяйка кормила постояльцев, хромой Зобешек помогал возчикам во дворе. Как только морозное алое солнце показалось на небосклоне, обоз двинулся к лесу.

– Как в лес зайдем, рот не раскрывай, – предупредил её дед Диниус. – И, гляди мне, не пой.

– Я не умею петь, – ответила Зараэль, забираясь в телегу и укутываясь дерюгой.

Лес был тих и мрачен. Черно-белый контраст снега и древесных стволов создавал ощущение потусторонности. На сугробах за обочинами не было ни тропинки, ни следочка. Зато дорога, по которой шел обоз, была укатана, затоптана и взрыта множеством ног, копыт и колес. С середины дня во встречном направлении потянулись обозы с провиантом, отряды ополченцев и ратников. Люди шли быстро и молча, опасаясь даже по нужде заходить в лес, пересекать грязную обочину, и пятнать девственную белизну снега. А старый и странный лес удивленно взирал на оживление, царившее в его нутре. Поток людей исчерпался к вечеру. Сумеречную тишину теперь нарушал лишь скрип колес да фыркание животных.

Южанка, покачиваясь в такт движению телеги, всматривалась в темнеющую глубину бора. Несколько раз ей показалось, что меж дальних деревьев, словно отражения в зеркалах, бесшумно проплыли видения цветущих зеленых полян и деревенских хат. Заворожено глядя на странные миражи, она внезапно осознала, что один из них движется в нескольких шагах от телеги в одном с ней направлении. Зараэль взглянула на возчика, но Диниус упорно смотрел только вперед, меж воловьих голов, на дорогу. Меж тем странный мираж подплыл вплотную к телеге. Зараэль в волнении разглядывала прозрачную, подсвеченную изнутри тихим голубоватым светом, сферу. И вдруг осознала, что её тоже рассматривают. Существо плыло рядом, и Зараэль увидела, как прозрачность туманится и превращается в её отражение. Южанка впервые после долгого перерыва смотрела на себя со стороны. Ей стало грустно от того, что она увидела. Она медленно высвободила руку из-под дерюги, и осторожно протянула её в сторону миража. Её отражение в сфере осталось неподвижным. Потом размылось, исчезло, вновь уступая место тихому голубоватому свечению. Сверкнул сапфир в кольце магистра на руке, которую Зараэль протянула к прозрачной капельке. И вдруг вместо спокойного голубого свечения внутри сферы вспыхнуло розовое пламя. С едва слышным стоном, полным муки и ужаса, мираж рванулся прочь от южанки, в глубину леса. И Зараэль увидела, как бор словно озарило зарёй – к белому и черному цвету примешался ало-розовый. Со стенаниями, звучащими не громче пчелиного жужжания, странные обитатели леса устремились прочь от дороги, и исчезли в непроходимой чаще мертвого леса. Возчики, перепуганные странным видением, подхлестнули коней и волов, и обоз устремился вперед со всей возможной скоростью.

После заката выкатились из леса к дереvушке, где и заночевали тем же манером, что накануне. Пока хозяин, которого Диниус называл Горасем, распределял многочисленных постояльцев в переполненной хате и на сеновале, Зараэль со смутным чувством причастности к судьбе мертвого леса стояла на его опушке. Ни одного огонька, ни движения или звука не послышалось из его черного нутра. На зов Диниуса Зараэль вернулась в дом. В эту ночь лес был тих и темен, на удивление обитателей деревни.

Утром Диниус поинтересовался у Зараэль.

– Куда тебе дальше-то? В Гризень со мной али в Зоротронд пойдешь?

– Мне в Сурзин надо, – подумав, ответила Зараэль.

– Это далече, – погладил макушку дед. – Ну, до Гризенья я тебя доведу, а там поворот тебе на Мескину. На юге хорошо, края мои родные поглядишь. Непокойно там теперь, сама видала, сколь войска туда отправляют. Опять ронзейцы бузят. Ну да лорд Ригестайн быстро

их утихомирят. А коли самого лорда увидеть доведется, поклон ему от меня передавай, – дед рассмеялся своей шутке.

– Непременно, – не улыбнувшись, ответила Зараэль.

Гризень, одноэтажный деревянный городок – не чета Вестрогу, прятался за внушительным замком наместника. Зараэль с интересом разглядывала крепость, пока повозка тряслась по дороге, огибая замок.

– В объезд сподручней, – пояснил дед. – Через замок пока развернешься, узко там, да людно. А дом мой аккурат с другого конца. А то давай ко мне с ночевьем, а завтра и дальше двинешься.

– Спасибо, нет, – помедлив, ответила Зараэль. Ей не хотелось разочаровываться в возчике.

– Ну, как знаешь. Из города выйдешь через южные замковые ворота. До Мескины две недели пешего пути. Оттуда до Сурзину еще три. Ну, вот и приехали.

Дед остановил волов. Зараэль спрыгнула с телеги, и, развязав кошель, снятый с убитого в Вестроге стража, протянула возчику три серебряные монеты.

– Возьми сам, сколько должна.

– Ни-ни! – замахал руками дед. – Ишь, чего надумала! Я ж не за мзду вез. Ныне всяк о прибытке печется, а мне совестно за помощь деньгу брать. Да и не в тягость ты мне была. Бывай, как тебя там. Дай Висьмир тебе добра.

Дед стеганул волов, и телега поползла по накатанной колее.

– Прощай, Диниус, – крикнула Зараэль вслед возчику. Тот поднял руку, обернувшись. Южанка убрала кошель, постояла еще немного, глядя вслед удаляющемуся возу, и пошла в ту сторону, где на замковых шпилях трепыхались под ветром желто-зеленые вымпелы.

Замковая площадь, превращенная в рынок, была полна народу, невзирая на клонящийся к вечеру день. Торговали, меняли, в дальнем конце площади кого-то пороли. Зараэль шла меж лотков, сооруженных из досок и чурбаков, отмахиваясь от предложений купить зерно, шерсть, овощи, скотину, инструмент, одежду. У обувки, выставленной на расстеленную коровью шкуру, Зараэль остановилась. Её взгляд приковала пара сапог из мягкой тисненой кожи, на плотной подошве.

– Бери, иланна, – хозяин товара, перехватив взгляд девушки, подцепил скрюченными пальцами сапог. – Сам тачаю, смотри, какая работа. Таковую обувку и принцессе не в стыд надеть. Примерь, иланна!

– Сколько просишь? – Зараэль, прельщенная сапогами, подошла ближе.

– Двадцать серебром.

– Да ты в своем уме? – отшатнулась южанка от продавца, и отвернулась, намереваясь уйти.

– Ну, коли не купить, так хоть примерь, иланна! Дай взглянуть, как на твоей ножке сядут. За примерку ничего не возьму.

Зараэль, колеблясь, приподняла юбку, глядя на потрепанные онучи.

– Ну, если только примерить, – сдалась она.

– Садись, садись, – торговец похлопал по чурбаку, и Зараэль, опустившись на него, принялась разуваться. Продавец, державший наготове сапог, приподнял бровь, когда увидел под грязными портянками витиеватые браслеты, охватывающие девичьи щиколотки.

– Велики, – скрывая сожаление, бросила южанка, потоптавшись в сапогах. – Да и нет у меня двадцати серебряков. Снимай.

– А ежели онучи намотать, то впору будут, – не сдавался торговец. – Да и теплее так.

– Говорю же, дорого. Снимай, – и Зараэль опустила на чурбак.

Продавец стащил сапоги, поцокал языком, дотронувшись до браслета на её ноге.

– Красивая вещь.

Зараэль, уже державшая наготове онучи, взглянула на торговца.

– Сменяешь на сапоги?

– Два на два, – ухмыльнулся тот, довольный.

– Жаден ты, как посмотрю, – прищурилась Зараэль, внутренне уже готовая к сделке.

– Хорошая работа за хорошую плату, – развел руками торговец.

– Забирай, – она сорвала с ног браслеты, кинула их на шкуру. Обмотала ноги онучами, и обула сапоги.

– Удобно ли, иланна? – улыбнулся продавец.

– Да, – потолав, Зараэль с удовольствием оглядела обновку.

– Обувка хорошая, – заверил её продавец. – Хоть до самого Уросса дойдешь – не порвуться. Я в Гризене лучший мастер. У меня управитель наместника обувается.

Зараэль усмехнулась похвальбе, но, зная толк в хороших вещах, не могла не признать, что сапоги и впрям хороши.

– А все же жаден ты, – ответила она.

Памятуя, что впереди долгий путь, она разменяла серебряную монету, потратившись на провиант. Проходя мимо тачки старьевщицы, обменяла свои потертые чуваки на латаную торбу, и заодно поинтересовалась, где найти ночлег.

– Вона, постоялый двор, – ответила та, ткнув пальцем себе за спину.

Зараэль глянула в указанном направлении.

– Людно там. Чего потише не найдется?

– Ноне везде людно, – пожала плечами старьевщица. Потом, почесав бородавку на щеке, предложила: – Могу на ночь приютить. Не задарма, знамо дело. И без кормежки.

– Идет, – согласилась южанка.

Старуха, кряхтя и вздыхая, утрамбовала вещи, накрыла тачку куском войлока и поманила Зараэль.

– Ну, пошли что ль. Я за южными воротами живу.

И, впрягшись, медленно потащила тележку. Зараэль шла за ней, пряча лицо, когда навстречу попадались ратники. В пределах замка действительно было тесно. Иногда старухе приходилось откатывать тележку к самой стене, чтобы пропустить встречные повозки. И тогда начиналась свара – возчики орали на старьевщицу, та на них. Протискивая свою тачку меж краем повозки и стеной, старуха крыла возниц на чем свет стоит. Проходящие же мимо мужики восхищенно качали головами, слушая ругательства старухи. Постепенно добрались до южных ворот. Увидев стоявших там стражей, Зараэль опустила пониже голову, сторбилась, и, припав к тележке сзади, принялась толкать её, помогая старухе. Солдаты брезгливо посторонились, пропуская их, и тележка беспрепятственно прокатилась под толстой решеткой замковых ворот.

Лежа на ворохе тряпья в старуховой халупе, Зараэль думала о том, что будет делать, когда доберется до Сурзина, до лорда Ригестайна. Он и лорд Лейнолл были живы. Она расскажет им все, расскажет, как поступили с Гилэстэлом. И вернется в Норхет вместе с ними и их армией. И вот тогда...

Утром стрьевщица растолкала южанку, и, вытребовав у неё три медные монеты, выпроводила из дому.

– Которая дорога на Мескину? – поправляя за спиной торбу с провиантом и потягиваясь навстречу рассвету, оглянулась Зараэль на старуху, стоящую у порога.

– Дорога на Мескину тут одна. Не собьешься, – махнула та рукой в неопределенном направлении и захлопнула дверь. Выбравшись из замкового предместья, Зараэль направилась на юг по укатанной, шириной в одну колею, дороге.

Первую неделю приходилось идти, сторожась проходящих во встречном направлении отрядов. Потом поток людей сошел на нет, и дорога стала спокойней. Ночевала южанка в селениях, прилежащих к дороге – обезмуженные деревенские хозяйки не опасались одинокой

девушки, просящейся на ночлег. Но ломили за постой и еду столько, что к концу третьей недели в кошельке Зараэль монет сильно поубавилось. Южанки терпеливо сносила поборы, не решаясь пускаться в ход насилие – не из жалости, а из соображений собственной безопасности. За два дня до Мескины, покидая утром очередную хату и глядя на оставшиеся деньги, Зараэль решила, что ночевки в лесу обойдутся дешевле. Она сердечно поблагодарила хозяйку, которая доила в овине корову, и покинула двор. В торбе южанки покоилась рябая курица со свернутой шеей, украденная у зазевавшейся хозяйки.

Ночь застала Зараэль в перелеске. По примеру Фрадека южанка соорудила из палок и веток заслон, и грелась у костерка. Поодаль на снегу валялась кожаца, снятая с курицы вместе с перьями. В руках Зараэль держала палку с нанизанной на неё тушкой, поворачивая её над костром. Ночь была тиха, с неба сыпал мелкий снежок. Хруст веток и снега под тяжелыми шагами Зараэль услышала еще издали. И подумала, что ночевка в лесу – дело дешевое, но далеко не безопасное. К костру из темноты вышли пятеро мужчин, одетых как простолюдины.

– Здрав буди, путник, – один из них присел с противоположной стороны костра, приглядываясь к девушке.

– Да это бабёнка, – удивленно хмыкнул второй, обойдя Зараэль со спины, и встав, опираясь на длинную крепкую дубинку. Другого оружия ни у него, ни у его спутников не было. – Никак, вояки уже и баб в мобилизацию берут? Пошто в лесу прячешься?

Мужики встали вокруг костра.

– Что вам нужно? – поднялась Зараэль, отложив вертел на рогульку, воткнутую у костра.

– Нам? – ответил первый. – Нам нужно поесть. А дальше посмотрим. Будимош, глядь-ко, что там у ней.

Один из мужиков выпотрошил торбу на снег – осьмушка промерзшего хлеба, истертый короткий нож, низка вяленого мяса и фляжка для воды.

– Барахло, – констатировал Будимош, поворотив пожитки. Встал и двинулся к Зараэль. – Иди-ка сюда.

– Не трожь! – отшатнулась та.

– Не бойсь, худого не сделаем, – осклабился старший, – потискаем малость и отпустим.

Зараэль выбросила вперед руки. Холостой щелчок браслетов прозвучал для ушей южанки, как гром. Ей больше нечем было защищаться. Будимош ухватил её за протянутые руки, прижал к себе, облапывая, запуская пальцы под одежду и хохоча.

– Костиста. Не чета моей Стиньке. Да на безбабье сойдет.

Зараэль попыталась вывернуться, ударить привычным приемом. Но пленитель в своем овчинном тулупе был слишком тяжел. Пальцы Будимоша нашарили на поясе южанки кошель.

– Чтой-то есть. Мироч, возьми-ка.

Старший принял кошель и, развязав, вытряхнул на ладонь содержимое вместе с оставшимися монетами.

– О, да ты, деваха, прям самим Висьмирем нам послана, – усмехнулся он. Ссыпав все обратно в кошель, кинул его одному из спутников. – Ступай в село. В крайней хате старая Кыстяна живет, поешь-нито у ней прикупи. Да сторожко иди. Ежели споймают – об нас ни слова. Ино сам придушу, коли сотник не повесит.

Проводив посланца взглядом, Мироч обернулся к мужикам.

– Ну, братья, похирчуем. Будимош, а тебе чего больше хочется – курицу али бабу?

Тати захохотали, усаживаясь у костра.

– А я и от того, и от другого не откажусь, – подмигнул Будимош южанке.

Он снял длинный опоясок, которым был подвязан тулуп, и скрутил Зараэль руки за спиной. Та покорно позволила это сделать, спрятав в кулаке кольцо магистра. Будимош усадил её у заслона, привязал свободный конец опояска к дереву. Зараэль исподлобья смотрела, как

беглецы от мобилизации, сгрудившись у костра, уничтожают её припасы. Напрагая запястья, она пыталась ослабить путы. Но добротная ткань кушака была прочна, да и узел, завязанный Будимошем, был крепок. А тот, хрустя куриными костями, посверкивал темными глазами на Зараэль в предвкушении. Поняв, что так просто узел не ослабить, Зараэль надвинула кольцо на палец, и прикрыла глаза, отрешившись от всего остального. В глубине сапфира, послушная воле южанки, затеплилась слабая искорка. Сосредоточившись, Зараэль заставила её разгореться усилием всей своей воли, и, вывернув пальцы, направила тонкий лучик, исходящий из камня, на связанные запястья. Кожу на руках обожгло, опоясок задымился и лопнул. Путы опали с рук, и Зараэль, вскочив, бросилась прочь от костра, в сторону дороги и деревни за ней.

– Стой! – раздались крики мужиков за спиной. – Стой, дурная! Сгибнешь одна!

Но Зараэль бежала прочь, желая только одного – быть подальше от них. Восходящее солнце осветило её, медленно бредущую по дороге. До Мескины оставался день пути. Но следовало хоть немного отдохнуть после ночного побега. Издалека слышался лай собак – впереди была деревня. Со слов беглецов она поняла, что в Мескинской провинции мобилизация также идет полным ходом, и деревни полны ратников. Соваться туда не хотелось. Зараэль осмотрела пространство за дорогой, и, увидев невдалеке стога, побрела к ним. Разгребла наметенный у стога снег, глубоко зарылась в сено и заснула.

Вечерняя Мескина встретила Зараэль той же суетой, которая царил в Вестроге – обозы, ополченцы, ратники. На неё, проходящую в городские ворота, никто не обратил внимания. Зараэль миновала пару кварталов, и присела отдохнуть на крыльце каменного дома. Она привалилась к опоре, поддерживающей балкон над крыльцом, прикрыла глаза, задремывая. Тычок в плечо выдернул её из забытья.

– Это моё место. Ищи себе другое, – одноногий дядька больно тыкал ей в плечо костылем, прогоняя. – Пошла, говорю, отседова!

– Купил, что-ли? – огрызнулась Зараэль, поднимаясь.

– Может, и купил, – отесняя её прочь, и усаживаясь на нагретое место, проворчал инвалид. – Понаехали тут.

Зараэль побрела прочь, раздумывая, что предпринять. Проситься на постой было не на что. Представиться продажной девкой, и, заманив охочего до дешевых ласк ратника, обобрать его бездыханное тело – Зараэль покачала головой – браслеты были пусты. Хотя сама идея была не так уж пуста – оружие всегда можно отобрать у врага.

Изрядно покружив по засыпанным снегом городским улицам, Зараэль набрела на корчму. Узкие высокие окна, освещенные изнутри желтым светом, манили, обещая тепло и отдых. Южанка, утопая в сугробах по колени, подобралась к одному из окон. Смела с карниза пышный снежный покров, и, отогрев дыханием кружок на заледенелом стекле, заглянула внутрь. В корчме в это не позднее, но по-зимнему темное время было многолюдно.

«Тем лучше. Шансы на ужин возрастают, – подумала Зараэль, отходя от окна и вспоминая свой вестрогский опыт. – Тихо и незаметно. Если нет, хотя бы отдохну, погреюсь». И, отряхнув сапоги от налипшего снега, она вошла в корчму.

Свет, показавшийся ослепительным после уличной темноты, заставил зажмуриться, и на несколько секунд замереть на пороге.

– Эй, двери закрой, – послышался недовольный мужской бас от ближайшего стола. – Не сеянь-месяц на дворе.

Зараэль нашарила дверную скобу за спиной, потянула, и дверь, подтолкнутая порывом ветра, громко захлопнулась. При этом висевший прямо над её головой фонарь закачался, насмешливо поскрипывая, а добрая половина посетителей устремила взгляды в её сторону. «Вот тебе и незаметно!» – с досадой подумала Зараэль, мысленно проклиная осторожность корчмаря, повесившего фонарь так, чтобы видеть всякого входящего в заведение. Игнорируя

любопытствующие взоры, она оглядела просторный зал и, аккуратно обходя занятые столы, направилась в самый темный уголок.

Зараэль устроилась на краешке скамьи за дальним концом длинного массивного стола. Не снимая плаща, устало прислонилась спиной к стене и прикрыла веки. Промерзшее, и а теперь отогревающееся тело словно покалывали тысячи тонюсеньких иголок. Тепло, усталость и голод, объединившись, силились совладать с южанкой, но она равнодушно игнорировала отчаянные мольбы своего организма.

В корчме было жарко и шумно. Аромат готовящейся пищи смешивался с тяжелым духом давно не мытых человеческих тел, табачным дымом и приторным запахом женских духов – поодаль за тем же столом, что и Зараэль, располагалась компания из шести девиц. Каждого нового посетителя они встречали заинтересованными и оценивающими взглядами. Небольшая толика их любопытства перепала и южанке, но, разглядев, что посетитель, облюбовавший их уголок – женщина, жрицы любви потеряли к ней интерес. Стол перед ними, в противовес другим, был пуст. «Правильно, – безразлично констатировала Зараэль, – ужин надо заработать». Один раз из-за соседнего стола привстал чернобородый, разбитного вида дядька, и оглянулся на девок. Они тут же перестали шушукаться и пересмеиваться, а в глазах, щедро подведенных сажей, мелькнуло напряжение. Мужик помедлил, выбирая, и поманил пальцем пышногрудую шатенку. Через минуту она в обнимку с капитаном латников уже поднималась по лестнице.

Наблюдая сквозь полуопущенные ресницы за происходящим в зале, Зараэль заметила, что корчмарь внимательно к ней приглядывается. Подозвав подручного, он кивком головы отправил его к скромному гостю в дальнем углу зала.

– Ила... иланна желает чего-нибудь? – стараясь заглянуть под капюшон, чтобы разобрать в полумраке лицо, спросил у Зараэль человек в фартуке. Она отрицательно повела головой.

– Свиные ребрышки на решетке особенно хороши, и потроха в сыре тоже не плохи.

Зараэль снова молча покачала головой.

– А может, жерляки в сметанной подливке?

Он явно не собирался отвязываться, и Зараэль пришлось подать голос.

– Спасибо, ничего не нужно.

Скрывая за вежливым поклоном пренебрежение, половой отошел к стойке, сказал несколько слов хозяину и испарился на кухню. Корчмарь недовольно дернул бровями, стрельнув глазами на прижимистую посетительницу.

Громыхнула входная дверь, по залу пронесся сквозняк, и в трактир гурьбой ввалились солдаты. Отряхивая с плащей снег и перекликаясь, они оглядывали зал в поисках свободного стола. Хозяин, разглядев новоприбывших, всплеснул руками и, выскочив из-за стойки, потрусил навстречу.

– Илан Юзвэг! – его голос срывался от волнения, когда он, низко кланяясь и комкая полотенце, приветствовал гостей. – Какая честь! Пожалте, пожалте сюда, илан! Какая честь, сам литтад Юзвэг!

Он, пятясь, подскочил к столу, расположенному в самом освещенном месте, у жарко пылающего очага. Сидевшие там посетители поспешно переместились за другой стол, выказав то же уважение, что и сам хозяин. Словно по волшебству, исчезли остатки чужого ужина, и почетный гость вместе с приятелями расположился за чистым столом.

– Давай, Каргуш, тащи, что там у тебя сегодня, – распорядился тот, которого трактирщик назвал Юзвегом. Он сбросил плащ, и Зараэль разглядела на рукаве куртки желтый шеврон с коричневым дубовым листом. – Еды и выпивки для меня и моих друзей.

– Сей момент, илан, сей момент, – и корчмарь потрусил на кухню.

Через обещанный момент к столу, за которым расположились воины, подлетели подручные с подносами. Стукнули глиняные кувшины, и замковая стража взялась за кружки.

Разговор солдат становился всё громче, перекрывая голоса остальных посетителей. Зараэль, подремывающая в своем уголке, распахнула глаза, когда один из захмелевших солдат грохнул кружкой о стол и взревел:

– А подать мне сюда ронзейский литт! Я их всех... один... к вашей...

– Янчек, успокойся, – Юзвек положил руку на плечо товарища. – Будет тебе. И литт будет, и легион. И не один.

– Да я! Я их..., – не унимался Янчек. А потом вдруг резко затих, и, оглядевшись, заявил: – Бабу бы!

За столом заржали. Юзвек повернулся к чернобородому и махнул рукой.

– Зойда, уважь людей.

Чернобородый кивнул, дернул бровями сидевшим подле Зараэль девкам, и те перепорхнули к стражникам. Солдаты заметно повеселели и наперебой принялись угощать подруг.

Зараэль сквозь полуопущенные ресницы видела, как один из стражей поднялся и потянул свою девушку из-за стола. Та торопливо опустошила кружку, подхватила ломоть хлеба, и, на ходу дожевывая его, выскочила вслед за кавалером.

Обстановка за столом становилась все непринужденнее. Зараэль прикрыла глаза. «Подождать, пока разгуляются. Незаметно прихватить что-нибудь, и исчезнуть». Вскоре из-за стола поднялись еще две пары. Южанка проследила, как они ушли из трактира, и взглянула на оставшихся солдат. И наткнулась на внимательный взгляд илана Юзвега. Она тут же отвернулась, но это словно послужило сигналом для литтада. Он кивком подозвал чернобородого, и указал на Зараэль.

– Я хочу вон ту.

Чернявый Зойда опешил, заморгал и виновато развел руками.

– Простите, илан, эта девушка не из моих.

– Мне все равно. Я хочу её.

– Но...

– Зойда.

– Да, илан?

– Сколько ты имеешь с каждой своей шлюшки?

– Илан..., – голос Зойды задрожал.

– А в городской казне нет средств на снаряжение для моих солдат. К тому же то, чем ты занимаешься, можно подвести под статью «работоторговля».

Зойда побледнел.

– Илан.

– Иди, уговаривай.

Зараэль слышала, как чернявый подошел и остановился возле неё. Но глаза открыла только тогда, когда Зойда, присев рядом, заговорил.

– Что это вы, иланна, одна? Время нонче беспокойное, не боязно ли, одной-то? Обидеть могут. Или, может, иланна кого ждет? Ежли нет, так наш славный литтад Юзвек свою защиту предложить могёт.

Южанка покосилась на корчмаря, с интересом наблюдающего за происходящим. Поймав её взгляд, он тотчас отвернулся. Зойда меж тем продолжал.

– Илан Юзвек, он ить тута большой вес имеет. Весь замковый гарнизон под его началом.

Зараэль перевела на него ледяной взгляд, и Зойда поперхнулся словами.

– Пшёл вон, – процедила Зараэль.

Зойда опешил. Его круглые щеки покраснели, и, положив поросшие черным волосом кулаки на стол, сутенер тяжело поднялся, нависая над южанкой.

– Чтой-то ты, иланна, не больно ласкова. Я с тобой, значицца, вежливо говорю, а ты вона как. Энто большое упущение в воспитании порядошной девки. Ну да ничё, щас поправим.

Двигался он медленно. Зараэль с избытком хватило времени, чтобы уклониться от удара. Тяжелый кулак Зойды пропорол воздух, и врезался в протыканную паклей бревенчатую стену. Южанка развернулась, и, отмахнув полы плаща назад, саданула чернобородого ногой в ухо. Тот икнул, всхрипнул, и повалился брюхом на стол.

Завизжала какая-то девка из подопечных Зойды, задвигалась мебель, корчмарь, схватив вертел, выскочил из-за стойки.

– Ах ты, дрянь!

Зараэль метнулась к двери, но дорогу ей преградили четверо стражников с литтадом Юзвегом во главе. Южанка отступила, прижимаясь спиной к стене. Корчмарь подскочил к Зойде, заглядывая ему в лицо, но не решаясь дотронуться.

– Порешила! Как есть, насмерть уходила!

Юзвег кивнул одному из солдат. Тот подошел к Зойде и запустил пальцы в смоляную бороду.

– Жив, – коротко бросил стражник, нащупав пульс.

Литтад усмехнулся, глядя в лицо южанке.

– Хороший удар. Но наш палач бьет лучше. Хочешь проверить?

Зараэль молчала, шурясь на литтада. Солдаты, не отрываясь, смотрели на неё. Южанка поняла, что если литтад прикажет, они изрубят её в куски прямо здесь. Юзвег подался вперед с намерением снять с её головы капюшон, но южанка отбросила от себя его руку. Литтад перехватил и сильно стиснул её запястье.

– Не стоит делать резких движений в мою сторону, – скривился Юзвег, наклоняясь к ней и дыша в лицо чесноком и водкой. Тут его внимание привлек перстень с сапфиром. Юзвег подтянул Зараэль поближе, рассматривая кольцо.

– Перстенёк-то, небось, ворованный?

– Это моя вещь, – вскинув голову, южанка вырвала руку из потных пальцев. Голос прозвучал тихо и вызывающе.

– Ух, ты, – хмыкнул корчмарь, уже отошедший от испуга и успокоившийся. – Глаза таращит, ровно принцеса какая.

– Я глазастых люблю... любить, – осклабился Юзвег. Зубы у него были кривые и желтые, слева двух не хватало. – Будет себя хорошо вести, принцессой и останется. А нет, отдам её на денёк в казарму – станет обычной...

Тут начальник замкового гарнизона употребил выражение, от которого Зараэль затрясло.

– Свинья вонючая, – бросила южанка.

Щеки илана Юзвега покрылись бледными пятнами.

– Личико твоё, я смотрю, белизной не отличается, – зло выговорил литтад. – А может, ты шпионка ронзейская, а? Может, мне тебя под тёмны рученьки, да к градоправителю на разбор?

Южанка, стараясь не выдать волнения, бесстрастно смотрела на говорившего. А воображение рисовало картину: вот её бросают на холодный пол в тюремной камере, срывают одежду, а под ней – приметные волосы и прямое подтверждение слов литтада: татуировки.

Зараэль опустила глаза на пояс Юзвега, где висел меч. До выхода было далековато, но сбоку находилось окно. «Двоих точно уложу, – прикинула южанка. – А что потом?»

Литтад Юзвег истолковал её взгляд по-своему. Он похлопал по туго набитому кошельку, висевшему возле ножен, и отозвавшегося звоном монет.

– Правильно. Зачем нам этот градоправитель? Сами договоримся. Не бойся, не обижу.

Зараэль помедлила и едва заметно кивнула.

– Договоримся.

Несколько удивленный неожиданной сговорчивостью, литтад испытующе взгляделся в её лицо. Потом прищурился и усмехнулся.

– Никак прониклась?

Зараэль смотрела на него молча.

– Только, гляди мне, без дурных шуток. Каргуш, найдется у тебя свободная комната? – литтад, развязав кошель, обернулся к корчмарю и бросил ему монету.

– Да, илан Юзвег, – согнулся хозяин. – Пожалте.

Он потрусил вверх по лестнице. Комнаты находились на втором этаже, и выходили дверями на узкий коридорчик, нависающий над залом и огороженный перилами.

– Пошли, – мотнул южанке головой Юзвег. – Мне разлёживаться недосуг. Отработаешь своё хамство, и свободна.

На плечо Зараэль, подталкивая вперед, опустилась тяжелая рука одного из солдат. Южанка обожгла его взглядом, дернула плечом, высвобождаясь, и поднялась вслед за Юзвегом по лестнице. Стражники пошли за ними, но литтад, обернувшись, махнул рукой.

– Мохта, пригляди, чтоб никто мне не мешал. Остальные свободны.

Стражник, к которому обратился литтад, кивнул и встал у двери. Остальные солдаты, нерешительно потоптавшись на лестнице и косясь на Зойду, которого две девахи и подручный приводили в чувство, вернулись за свой стол.

Юзвег пнул дверь, вошел в комнату и поманил Зараэль.

– Заходи.

Она вошла, плотно прикрыла за собой дверь и набросила щеколду.

– Раздевайся.

Зараэль смотрела, как Юзвег расстегивает пряжки, снимет перевязь с оружием и кладет её на стол.

– Оглохла, что ли? Раздевайся, говорю.

Она потянула шнурок, развязывая плащ и медленно подходя к литтаду. Из-под платка выбился тонкий сиреневый локон, и Юзвег растерянно и удивленно выдохнул.

– А, з-зараза! Ты...

Зараэль сдернула плащ с плеч, стремительно прыгнула вперед, набрасывая плотную ткань на голову стоящего перед ней мужчины. Крутанувшись вокруг себя, она стянула полы на шею литтада, рванула их на себя и одновременно ударила литтада коленом в пах. Полузадушенный илан Юзвег, согнувшись и повалив стул, с грохотом рухнул к ногам южанки. Не тратя времени, она выхватила из лежащих на столе ножен меч, и всадила его начальнику замковой стражи в левый бок. Литтад дернулся и замер.

В дверь заколотили.

– Литтад Юзвег!

Зараэль оглянулась.

– Илан Юзвег! Откройте!

Щеколда вылетела, и в дверном проеме южанка увидела перекошенное лицо Мохты.

– Ко мне-е!!! – истошный вопль прервался на середине. Зараэль метнулась в его сторону, тонко свистнула в воздухе сталь, сбывая поросль на подбородке солдата, и Мохта схватился за распоротое горло. Багряные капли частой дробью ударили по доскам. Солдат попятился назад, и, ломая перила, грянулся в зал, на стоящие внизу столы.

– У-уби-или-и-и!!!

Вопль резанул по ушам. В корчме заорали, завизжали, лестница затрещала под тяжестью бегущих наверх людей. Южанка, кинувшись к окну, на бегу сдернула с пояса мертвого литтада кошелек с деньгами, распорол его о лезвие меча и швырнула к двери. Золотые кружочки покатались под ноги вбегающим людям, с веселым звоном посыпались по ступеням.

– Держи её!

Выбив хилую раму, Зараэль выпрыгнула наружу. Вслед за ней в проем вылетел нож, брошенный кем-то из преследователей.

– Деньги!

– Пшёл с дороги!!!

– Моя рука, а-а!

Солдаты расталкивали жадных до денег зевак, рвались наверх, разгоняли пинками и тычками людей, ползающих под ногами. Ругательства перемешивались с воплями тех, кому вместо золота достались побои и оплеухи.

Зараэль упала в сугроб, выкатилась из него, вскочила на ноги и, подхватив длинный подол юбки, помчалась по улице. В окно, толкаясь и крича, высунулись люди. На крыльцо корчмы выскочили солдаты и припустили за ней. Над головой просвистела стрела. Зацепившись ногой за припорошенные снегом разбитые бочки, Зараэль свалилась, выронив меч. Она тут же вскочила на ноги, но подол, зацепившись за проржавевший обод, дернул её назад, и южанка снова села на снег. Бегущие к ней люди торжествующе взвыли.

– Бей шпионку!

– Стреляй!

– Не стрелять! Брать живьём!

Зараэль хрипло крикнула и рванулась. Ткань хрустнула, разошлась, и южанка снова понеслась по улице.

Она свернула в какой-то узкий проход, пролетела по темному переулку, напугав милжавшуюся там парочку. Потом свернула снова, перелезла через невысокую каменную загородку в конце улочки, вынеслась на широкую, тускло освещенную немногочисленными фонарями улицу, и шарахнулась, едва не врезавшись в проходящего мимо человека.

– Ополоумела, что-ли? – прохожий оттолкнул её, обложил руганью, и потопал дальше.

Зараэль прижалась к стене, напряженно прислушиваясь. Не ощутив сзади погони, отдышавшись и осмотревшись, она пошла по улице, прячась в тени нависающих балконов и карнизов. Внезапно в конце улицы, вывернув откуда-то сбоку, вспыхнули факелы и раздались крики.

– Опять, – простонала южанка. Развернувшись, она торопливо пошла в другую сторону, высматривая щелочку или проулочек, в котором можно было бы спрятаться, скрыться от преследователей.

– Вон она!!! – пронзительный крик заставил её вздрогнуть. Оглянувшись, Зараэль увидела, как толпа с факелами, сталкивая с дороги случайных прохожих, несётся к ней.

– Держи!

– Хватай!

Она припустила бегом. И вдруг впереди, на другом конце улицы, зажглись огни и послышались голоса.

– Здеся она! Больше негде!

– А ну, свети сюды.

– Нету! Дальче гляди.

Зараэль заметалась, и, углядев в стене проход, кинулась туда.

– Во-он!!! Вон она!

Она бежала по сужавшейся улочке, а толпа, напирая, лезла за ней.

Внезапно узкий проход кончился тупиком, и южанка уткнулась в закрытую дверь. Зараэль ударила по двери раз, другой, потом заколотила в неё изо всей силы руками и ногами. Прочные створки даже не дрогнули. Волной накатила паника, но южанка подавила постыдное чувство. Расправив плечи и подняв голову, она приготовилась защищаться. И вдруг на мореной двери Зараэль увидела вырезанное изображение солнца, поднимающегося из-за зубчатых стен.

– Откройте! – с новыми силами она ударила по двери. – Пустите меня! Во имя Серого братства, во имя магистра Энвингола, откройте!

Дверь резко распахнулась, и Зараэль ввалилась в полутемное помещение. Стукнули створки, лязгнул металлом засов. По закрытой двери ударили кулаки подбежавших людей, раздался негодующий и разочарованный рёв людских глоток.

Девушка отпрянула от двери, вжавшись в стену.

– Не бойтесь, сюда они не войдут.

Зараэль оглянулась на спокойный голос. Незнакомец подкрутил фитиль, свет погустел, и южанка разглядела своего спасителя. Он был средних лет, худощав, невысок, светловолос и бледен. На белой ткани свободной, выпущенной поверх брюк рубахи, посверкивал медальон братства. Маг с доброжелательным интересом и некоторым удивлением в запавших глазах рассматривал Зараэль, не обращая внимания на беснующихся за дверью людей.

– Хорошо же они вас разделали, – покачал он головой.

– Они меня и пальцем не тронули, – ответила Зараэль, успокаиваясь.

– Оно и видно, – усмехнулся маг. – У вас кровь на лице и руках, идемте, я вас перевяжу.

Он повернулся, и, освещая дорогу, пошел по узкому коридору. Зараэль, вдруг почувствовав себя страшно усталой, побрела следом.

– Что, корова все-таки сдохла? Или это была свинья? – насмешливо спросил идущий впереди мужчина. Зараэль удивилась.

– Какая корова?

– Которую вы лечили.

– Я?

Маг остановился и обернулся.

– Разве вас побили не за то, что у кого-то из этих болванов вдруг заболела скотина, а вы не смогли её вылечить?

– Нет. Хотя пара вонючих свиней, действительно, сдохла.

Маг на секунду задумался, разглядывая девушку. Потом прищурился.

– Где ваш медальон?

– Какой?

– Вот такой, – светловолосый постучал по серебряному кружочку на груди.

– У меня такого нет. И никогда не было.

– Нет? – маг, казалось, был в замешательстве. – Но вы просили о помощи именем Серого братства.

– И магистра Энвингола, – добавила Зараэль. – Гилэстэла Илфириона Хэлкериса, Серого магистра центрального круга.

Огонек в фонаре вспыхнул так ярко, как только мог, заливая светом ровные каменные стены.

– Кто вы?

Зараэль вздохнула.

– Я его дочь.

Глава 5

Жарко полыхал очаг. Зараэль, устроившись у огня в глубоком кресле, потягивала теплое красное вино. Её ноги были укутаны мягким пледом, на плечи наброшена шерстяная накидка. Маг, назвавшийся Витадом Бринеротом, сидел напротив неё в таком же кресле. На коленях у него мурлыкала большая серая кошка, еще одна дремала на спинке кресла, свесив пушистый рыжий хвост на плечо мага. Лицо Витада было растерянным и озадаченным.

– Я уже забыла, как это – просто сидеть у огня, – Зараэль сделала последний глоток и вздохнула.

– Еще? – Витада, стараясь не потревожить кошку на коленях, взял графин, стоящий на резном столике.

– Да, благодарю.

Зараэль протянула бокал, и маг наполнил его вином. Помолчали еще немного. Зараэль молчала, потому что сказала уже всё, Бринерот – потому что не знал, с чего начать говорить.

– Вы мне не верите, – констатировала Зараэль, наблюдая за лицом Витада.

– Нет, ну... Хотя да. Признаться, всё это звучит весьма неправдоподобно. Чтобы они... чтобы сам магистр...

– Тем не менее, это правда. Я могу доказать свои слова. Магистр... он в Олломаре.

Витада почесал кошку за ухом, взглянул на Зараэль.

– Честно говоря, у вас весьма малое сходство с магистром.

– Во мне течет килитская кровь, – ответила Зараэль. Витада кивнул, принимая ответ.

– Чего вы хотите?

– Я хочу восстановить справедливость, – пляска огня в камине отражалась в глазах южанки, словно в них полыхал свой огонь. – Я прошу вас о помощи. Мне пришлось пережить унижение, боль, страх. Я хочу, чтобы те, кто повинен в смерти магистра и остальных, испытали то же, что и я. А потом исчезли.

– То есть, вы хотите, чтобы мы помогли вам отомстить, – кивнул Витада. Кошка открыла глаза и посмотрела на Зараэль.

– Мы?

– Я ведь не один здесь, госпожа Зараэль. Этот дом – официальная резиденция Серого братства в Мескине. Нас здесь четверо. Я, разумеется, не имею в виду знахарок и ведунов, что оказывают услуги горожанам в их мелких хозяйственных делах. Я говорю о чародеях первого и второго круга, о тех, кто обладает определенным влиянием и властью в Мескине. И если вы просите помощи у меня, то просите и у них. То, что вы мне рассказали, слишком серьезная и невероятная вещь, чтобы поверить в неё безоговорочно. Нужно время.

– Хорошо, пусть так. Могу я поговорить с вашими друзьями?

– Их сейчас нет здесь. Они помогают наместнику формировать военные отряды в других частях провинции, для их последующей отправки на юг. Я предлагаю вам своё гостеприимство до их возвращения, госпожа Зараэль. Здесь вы будете в безопасности, и сможете как следует отдохнуть.

– Как долго?

– Мескинская провинция велика. Думаю, еще недели три.

– Время уходит, господин Витада.

– Сожалею, госпожа, но это пока всё, что я могу сделать для вас.

Бринерот ответил на настойчивый взгляд южанки своим – открытым и спокойным. Зараэль опустила глаза, тая растущее раздражение.

– К тому же, принимая во внимание то, что от вашей руки погиб литтад Юзвэг, ваша безопасность – нелегкое дело, – маг покусал губы. – Уверен, что утром появятся люди от наместника и потребуют отдать им вас.

– И что? – Зараэль беспокожно заерзала в кресле.

– Ничего. Я же сказал – здесь вы в абсолютной безопасности.

– Благодарю, – тихо ответила южанка. Потом посмотрела на кошку, лежавшую на коленях у Витада. – Любите кошек?

– Обожаю, – впервые за время их разговора улыбнулся тот. – У нас это взаимно. Удивительные создания. Намного более совершенные, чем люди.

Кошка потянулась, зевнула, и Зараэль показалось, что она улыбается словам хозяина.

– Такое впечатление, что она понимает вас, – усмехнулась южанка.

– Так и есть, – Витад провел по кошачьей спинке ладонью, осторожно переложил зверя с колен в кресло, и поднялся. – Идемте, леди Зараэль, я покажу вам вашу комнату.

***

Шарик мчался по кругу. Из рассеивающейся пелены выплыли очертания комнаты, щедро освещенной свечами.

– Привет, Витад, – Бринероту улыбнулся широкоплечий кареглазый красавец с едва тронутыми сединой волосами, вольготно расположившийся на широкой софе. Приподняв бокал, он подмигнул. – Будешь? Местное. Не сайельское, конечно, но недурно. Хотя, нет – не дотянешься. Что там у тебя?

– Всё шутишь, Аварди?

– Шучу. Настроение располагает, – поднося бокал к губам и отпивая, подтвердил Аварди Ласар – полный маг первого круга и первый представитель Серого братства в Мескине.

– Магистр Энвингол мертв.

– Что?! – Аварди поперхнулся, закашлялся, пятная белизну рубашки брызгами вина, и выронил бокал. – Я тебя убью, Бринерот!! Язык вырву за такие слова!!

– Лорд Астид, лорд Иннегард и лорд Улле тоже погибли, – добавил Витад, не обратив внимания на угрозы.

– Ты что, бредишь? Снова «ласковой пыли» перебрал?

– Я чист, как небо над Мескиной. Есть свидетель.

– Свидетель? Чего свидетель? Кто?

– Свидетель их гибели. Дочь магистра.

– Абсурд!

– Правда. У неё кольцо магистра. Она говорила вещи, которые могут быть известны лишь очень близким к нему людям. Сказала, что доказательства – в замке Олломар. Что виновник – лорд Эркель и какая-то женщина, якобы могущественная магичка.

– Полная чушь! – Аварди мямлил мочку уха, вглядываясь в серьезное лицо собеседника. Потом уступил. – Ладно, я проверю. И если это дурная шутка – я тебя убью.

– Есть еще кое-что, Аварди. Эту девушку ищут. Мы тоже получали приказ и её описание. Аварди впился глазами в Витада.

– Темнокожая с сиреневыми волосами?

Бринерот кивнул. Аварди потеревил себя за подбородок, покусал ноготь, обдумывая услышанное.

– Девчонка где?

– Здесь, со мной. Она просит помочь ей.

– Посмотрим. Береги её, как собственную жизнь. Никуда не отпускай до моего возвращения. Никому о ней не говори. Я свяжусь с тобой, как только всё выясню.

***

Зараэль разбудили крики и грохот, доносящиеся с улицы. Южанка испуганно соскочила с кровати, подбежала к окну и, отогнув тонкие бумажные ставни, осторожно выглянула на улицу. Её комната располагалась в конце коридора на втором этаже, и из окна была видна лишь часть улицы перед парадным крыльцом. Оттуда доносились крики людей и колотьба в дверь. Зараэль замерла и прислушалась.

– А ну, открывай двери!

– Отворяй давай!

Зараэль отпрянула от окна. Ей послышались легкие шаги в коридоре, и она, подобравшись к двери, резко её распахнула. Никого не было. Лишь на пороге сидела кошка, обернув хвостом лапки, и глядя на южанку.

– Чего тебе? – Зараэль посмотрела на зверя.

Кошка встала, по-хозяйски вступила в комнату, прыгнула на кровать, свернулась калачиком и закрыла глаза. Зараэль завернулась в покрывало, вышла в коридор и увидела Бринерота. Набрасывая на ходу серый балахон, он быстрым шагом поднимался по лестнице с первого этажа.

– Доброе утро, – кивнул он девушке. – Хотя, не такое уж оно и доброе. Не подходите к окнам.

– Что это? – Зараэль догнала его и пошла рядом.

– То, что я и говорил. Люди наместника.

– Что мне делать?

– Не попадаться им на глаза. Стойте здесь.

Маг вышел на балкон, а Зараэль остановилась у входа. Прислонившись спиной к стене и скрестив руки, она с беспокойством косилась в спину Витада и вслушивалась в гвалт снаружи.

– Что за шум?

Зараэль удивленно приподняла бровь. Голос Бринерота зазвучал совсем не так, как раньше. Он стал жесток и неприветлив, в нем послышались нотки презрения и превосходства. Крики смолкли. Люди отступили на несколько шагов. Они неуверенно переглядывались меж собой, на мага на балконе косились исподлобья, но начать никто из них не решался.

– Ну? – требовательно бросил маг.

– Господин! – вперед вышел воин с желто-коричневой эмблемой на рукаве. Еще двое солдат держались на шаг позади него. – В этом доме сегодня ночью укрылась преступница – гуляющая девка, убившая начальника замкового гарнизона литтада Юзвега и еще одного воина. Его светлость приказал привести её, чтобы наказать по справедливости. Добром просим, позвольте нам её забрать. Вот приказ о её аресте.

В руке воин держал бумагу с прикрепленной к ленте печатью наместника. Люди одобрительно загудели, закивали головами.

– Отдайте, ваше чародейство, – к солдату выбился коренастый бородатый мужик с колом в руке и неуклюже, но почтительно поклонился. – Второй, которого порешила та, племян мой был, Мохта. Хороший парень, и воин славный. Наместник наш, да укрепнет его власть, знамо что по справедливости накажет, да токмо мне да матери его от ентого не легче. Но мы её живьем доведем, вы не сумлевайтесь. Ну, мож помнем маненько, так тож по справедливости. Отдайте, ваша милость.

Бринерот молчал, разглядывая стоящий под балконом народ. Люди переминались, перешептывались, хмурились. Зараэль накручивала на палец кончики сиреневых волос, сверля взглядом затылок мага.

– Приказ, говоришь. Дай-ка взглянуть.

Витад вытянул ладонь, и бумага, выпорхнув из рук стража, взмыла вверх. Солдат растерянно заморгал, потянулся к балкону. Люди замерли, подняв головы и боязливо глядя, как маг, небрежно встряхнув свиток и отставив его подальше, читает.

– Так. М-м, так... воровство... Ага, вооруженное нападение... ого, шпионаж... убийство. Внушительный список, однако. Так... под стражу... препроводить... Понятно. Сожалею, но этот приказ для меня просто клочок бумаги. Там нет надлежащей подписи.

Бринерот разжал пальцы, и свиток упал на мостовую, к ногам опешившего воина. Тот метнулся к бумаге, схватил её и воздел, показывая всем.

– Тут и печать стоит! Приказ подписан наместником собственноручно!

– Ну и что? – Витад сложил руки на груди и пожал плечами. – Да хоть ронзейским тагуном. Вы можете трясти этой бумагой в корчмах, на городских улицах, в домах горожан. Но за порогом этого дома власть имеет только слово Серого магистра, – видя, как побелели лица, Бринерот усмехнулся. – Ну, или хотя бы господина Ласара. Когда заручитесь его согласием, тогда можете придти снова. А до тех пор вам тут делать нечего.

Громкий ответ Витада всколыхнул людей, словно горсть зерна голубиную стаю.

– Это как это нечего?! – загудели голоса. – Она тут наших солдат гробить будет, а нам дела нет! Так, что ли?

– Значицца, вы, илан чародей, ронзейску шпиёнку покрываете, так? – взяв кол, как копьё, наперевес, дядя Мохты свел кустистые брови. – С чего бы такая приязнь, а? А коли мы сами войдем, да и возьмем, кого надобно? И вас заодно? А ну, народ, налегай на дверь.

Бринерот растянул губы в язвительной улыбке.

– Входите, коль жизнь не дорога.

Двинувшиеся, было, к двери люди остановились, запереглядывались. Маг улыбался, глядя на них сверху.

– Ладно, – проворчал солдат, сворачивая приказ. – Сегодня вам, илан чародей, это сойдет с рук. Но когда вернется илан Ласар...

Он не договорил, и, резко развернувшись, пошел от дома, бряцая оружием. Народ, потоптавшись у крыльца, тоже начал расходиться. Только бородач всё вертел кол в руке, стоя у порога, и глядя вверх, на улыбающегося мага. Потом в сердцах плюнул, бросил кол и быстро пошел прочь.

Бринерот вошел в дом, продолжая улыбаться.

– Вот, собственно, и всё, – взглянул он на Зараэль. – Отдыхайте спокойно, больше они сюда не сунуться. По крайней мере, до возвращения Ласара точно.

– А потом? – Зараэль смотрела, как расходятся люди. Они шли медленно, то и дело оглядываясь на чародейский дом, разговаривая и согласно покачивая головами.

– И потом тоже. Аварди Ласар никогда не подпишет подобной бумаги, клянусь своим медальоном.

– Оружие сильнее бумаги, – ответила южанка, глядя на улицу. – Они злятся.

– Ну и что? – беспечно бросил Витад, стягивая сутану. Потом нахмурился. – Они всегда злы и чем-то недовольны. Ведуны и знахарки лечат их самих, их скот, охраняют города и деревни от зверей и болезней, а они... Я уже знаю – если в двери стучат, это, в большинстве случаев, кто-то из низших чародеев спасается от «благодарной» черни. Вы не первая, кого мы спасаем от их кольев и вил. А, да что говорить.

Бринерот расстроено махнул рукой.

– Но за мной они гнались по достаточно веской причине.

– Перестаньте, госпожа Зараэль. Я немного знаком, точнее, был знаком, с Юзвегом. Думаю, что он получил то, что получил, не просто так. Верно?

Южанка кивнула.

– Место литтада уже сегодня займет другой пройдоха. А Юзвега забудут через месяц. И вам тоже не советую помнить его долго. Пойдемте, госпожа Зараэль. Нас ждет завтрак.

За завтраком плохое настроение Витада улетучилось, как и не бывало. Он зашел к себе оставить мантию, а когда присоединился к южанке в столовой, его ввалившиеся глаза весело и удовлетворенно блестели.

– Ну-с, что тут у нас? – Бринерот сел и, потирая руки, оглядел стол.

– Как всегда, ваша каша, ваша светлость, – поднял слуга крышку с кастрюли. Зараэль показалось, что он посмеивается.

– Не каша, – сморщил нос Витада, и поднял вверх указательный палец, – а Каша! Уверю вас, госпожа Зараэль, самое полезное, что создала природа для пропитания чад своих, есть злаки. Я, в основном, предпочитаю их другим продуктам. В них неисчерпаемая сила для совершенствования ума, духа и тела.

Южанка, слизывая с ложки горячую сладковатую овсянку, с сомнением взглянула на тощего бледного мага.

– Можно узнать ваши кулинарные пристрастия, госпожа Зараэль? Мне хочется, чтобы наше гостеприимство хоть немного скрасило ваши недавние злключения.

– Не беспокойтесь, господин Бринерот. Я не привередлива.

– Но все-таки, что вы предпочитаете?

– Мясо, – ответила южанка.

– Понял? – спросил Витада у слуги. Тот поклонился.

Зараэль ела, вполуха прислушиваясь к шуткам и рассуждениям мага, временами вежливо улыбаясь и поддакивая, но не вникая в смысл сказанного. Витада продолжал болтать, а тем временем его внимательный и оценивающий взгляд скользил по девушке, всё замечая и отмечая.

– Интересный механизм.

– Какой? – рассеянно отозвалась Зараэль.

– У ваших браслетов.

Зараэль встрепелась.

– У браслетов?

– Да. Прекрасная работа. Но это ведь не просто украшение, да?

– Как вы догадались?

– Ну, я все-таки боевой маг.

– Вы? – Зараэль недоверчиво оглядела Витада, оценивая его по-новому.

– Не похож, сам знаю, – смущенно улыбнулся он. – Но, тем не менее.

– Вот, значит, почему вы так безбоязненно пригласили войти тех людей?

– Не только поэтому. Я точно знаю, что ни один из них не отважился бы переступить порог, даже распахнись двери настезь.

– Почему?

Бринерот пожал плечами, и не ответил.

– Так вы покажете мне, как они действуют? – маг указал на украшения на предплечьях южанки. – Что там? Иглы?

– Да, – поддалась южанка интересу мага. – К сожалению, я их все растратила.

– Не беда, я помогу восполнить потери, – улыбнулся Витада. – А вы просветите меня по поводу того, как они работают, договорились? После завтрака я пришлю к вам портного, вам совершенно необходимо обновить гардероб.

– Спасибо, – чуть помедлив, Зараэль благодарно кивнула.

– Прекрасно.

– Что?

– Мы начали дружить, – улыбнулся маг так искренне и открыто, что Зараэль не смогла ему не ответить. Она улыбалась и думала: «Серое братство. Да! Ты создал Серое братство, магистр. Они тоже твои дети. Они пойдут ради тебя на все. Ты будешь отомщен, Гилэстэл!».

Первые два дня Зараэль просто спала, восстанавливая силы после многодневного пути. Однажды проснувшись, она обнаружила у себя в ногах двух спящих кошек Бринерота. Зараэль не стала их прогонять – мягкие и пушистые, они напомнили ей детство. То время, когда она – маленькая девочка – спала на жесткой циновке, прижавшись к теплым телам килитских собак. Переложив кошек себе под бок, она снова заснула.

Утром третьего дня, увидев её за завтраком, посвежевшую, облаченную в новый наряд, Витад довольно улыбнулся.

– Отдых вам на пользу, леди Зараэль. Вы прекрасно выглядите.

– Благодаря вам, господин Бринерот.

– Просто Витад. Если вам удобно.

Зараэль согласно кивнула.

– Чем я могу скрасить вашу скуку, леди Зараэль? – поинтересовался маг. – К сожалению, прогулку по городу я вам предложить не могу – в целях вашей же безопасности. Но у нас прекрасная библиотека. Могу предложить занятие, привычное для дамы вашего круга – пришлю к вам белошвейку, она принесет нитки, шелк и составит компанию. Честно говоря, не знаю, что еще могу вам предложить. Я, право, не силен в дамском угождении, – рассмеялся он. – По этой части у нас Аварди дока.

– Книги меня вполне устроят, – улыбнулась Зараэль на неловкое признание Бринерота.

– Ах да, – спохватился тот, – еще могу пригласить музыканта. Наместник рекомендовал недавно одного менестреля. Довольно прилично музицирует.

Зараэль встрепенулась.

– Музыканта? М-м. А знаете, я не прочь. Но при условии, что он знает балладу о Черном лесе.

– О Черном лесе? – задумался Витад на миг. Потом лицо его озарила догадка. – А, я понял! Это тот лес, что под Вестрогом?

– Именно. Знаете, – подалась к нему Зараэль, – там происходят странные вещи. Я не знала об этом месте, и отец тоже ничего не рассказывал.

– Действительно, есть старинная баллада. Но из нынешних бардов вряд ли кто её знает, – разочаровал её Бринерот. И, хитро взглянув на Зараэль, добавил. – Но для этого нам певец и не нужен. Хотите, я прочту её вам?

– Конечно, – загорелась южанка.

– Тогда пойдемте, – с нотками танственности в голосе поманил её маг, поднимаясь. Он привел её в зал с диванами, покрытыми светлыми шкурами нежнейшей выделки, с белым камином, над которым на овальном щите красовались четыре кинжала старинной работы. Стены зала украшали гравюры и картины в дорогих рамах. На низком столике лежала рыжая кошка, лениво приоткрывшая один глаз на вошедших.

– Устраивайтесь, леди Зараэль, – маг повел рукой. Он прошел в угол и из-за спинки дивана извлек лютню. Южанка удивленно разглядывала инструмент в руках у мага.

– Прошу строго не судить, – слегка застенчиво произнес Бринерот, опускаясь на диван напротив южанки. – У меня много интересов. Иные меня самого удивляют.

Зараэль, забравшись на диван и обняв колени, вся обратилась в слух. Ей всё больше нравился этот странный человек. Он неуловимо напоминал ей Гилэстэла. Витад подкрутил колки, и тронул струны.

Мерцающая золотом стволы,
дарил покой, как райский сад,

и укрывал от злых ветров
старинный лес эльфийский град.

Перед Зараэль, замороженной негромким тенором мага, проносились видения древнего великолепия исчезнувшей расы.

И чудным даром волшебства
был Улле – младший, наделен.
Для повышенья мастерства
на тайный остров увезен.

Южанка встрепенулась, услышав имя Улле, и, пораженная услышанным, впила глазами в Витада. А тот, прикрыв глаза, самозабвенно пел о давно забытом.

Вернулся Улле в древний лес,
с собой шесть магов он привёл:
Дубы пылали до небес,
а на березах пламень цвёл.

Заклятье страшное впитал
и, поражен его вредом,
из золотого черным стал
надменных эльфов древний дом.

Не счесть блуждающих огней
ночной порой в лесной глуши.
То души эльфов сотни дней
поют для путников в тиши.

Зараэль, потрясенная услышанным, смотрела на мага.

– Это... это же про лорда Улле? – спросила она.

– Совершенно верно, – склонил тот голову. Южанке показалось, что в его голосе прозвучала горечь. С тихой улыбкой маг отложил инструмент. Зараэль припомнила отблески огня на останках Улле в замке Олломар, и в сердцах ударила по спинке дивана кулаком.

– Могу предложить вам другие прекрасные баллады и романы, леди Зараэль, – поняв её мысли, поспешил разрядить обстановку Бринерот. – У нас достаточно обширная библиотека, чтобы скрасить скуку.

– Благодарю, – сумрачно ответила южанка. – Но я не большая поклонница философии и пустых романов, Витада. Есть более полезные книги? Пособия по практической магии, например?

Витада пожевал нижнюю губу, в задумчивости глядя на гостью.

– Труды по магии хранятся в другом месте. Ладно, – сдался он, – идемте.

Они спустились в подвал под особняком по узкой лестнице в три пролета. Отперев двумя ключами тяжелую, окованную железом дверь, маг впустил Зараэль в просторное помещение. Вдоль одной из стен высились стеллажи с бутылками и кувшинами. Вдоль другой стояли десятка два бочонков всех размеров.

– Что здесь? – спросила Зараэль, глядя, как Витада тщательно закрывает за ними дверь.

– Библиотека, лаборатория, виварий. И винный погреб, – ответил маг. – Нам сюда.

Отыскав на связке нужный ключ, Витад открыл дверь в библиотеку. В неярком свете лампы стали видны стеллажи и шкафы, заставленные книгами и футлярами для свитков. Глубокое мягкое кресло, массивный стол с подсвечником, и пара светильников по стенам дополнили картину.

– Что интересует? – обернулся Витад к Зараэль. – Управление стихиями, людьми, животными, боевое искусство?

– Всё. Я многое упустила при жизни Гилэстэла. Я не была терпелива в учении. А он не был настойчив. Хочу наверстать.

Маг улыбнулся. Подошел к шкафу и, проведя пальцами по корешкам, вынул несколько книг.

– На первое время этого вам хватит. Доступ в эту библиотеку по моему личному разрешению и в моем сопровождении. Когда освоите теорию, я помогу с практикой.

Зараэль приняла предложенные книги, наклонив голову поблагодарив мага. За стеной послышалось ворчание, шорох и рычание. Южанка в замешательстве обернулась.

– Кто это?

– Звери в виварии.

– Вивисекцией увлекаетесь?

– Я нет, – мотнул головой маг. – А вот Аварди экспериментирует.

– И над кем эксперименты?

– Не над людьми, – ответил маг, выходя в коридор.

Зараэль вышла вслед за ним, прислушиваясь к звукам из-за соседней двери. Потом подошла к ней, дотронулась до толстого дерева.

– Как раз людей он и пытается сделать из своих подопытных, – пояснил Бринерот, и, понизив голос, недовольно добавил. – Как будто зверей среди людей и так не достаточно.

– И каких животных он предпочитает для этих целей?

– Хищников. Интеллект травоядных слишком низок для очеловечивания.

– Не опасаетесь, что сбегут?

– Нет. Они в клетках с надежными запорами. А Аварди – искусный укротитель.

– Я не о зверях говорю, – девушка посмотрела на мага. Они уже поднялись наверх, и Витад запер двери в подвал. – Мне довелось увидеть странное существо недалеко от Вестрога – волка с человеческими руками.

Витад озадаченно свел брови, потом покачал головой.

– Вряд ли. Хотя, учитывая, что эти создания после манипуляций приобретают разум более высокий, чем у животных.... Нет, вряд ли. Где это было?

– Под Вестрогом.

– Лабораторией, в которой возможны такие опыты, обладают маги не ниже первого круга. Скорее всего, это был простой мутант, волчий выродок.

За три последующие недели покоя и довольства в гостеприимном доме Серого братства Зараэль укрепилась в мысли, что сама судьба привела её сюда. Она была уверена в том, что её месть не за горами. Благодарность Бринероту была тихой, но искренней. Такой, как подобает госпоже по отношению к вассалу. Посланцы от наместника и горожане более не тревожили Витада. И Зараэль, успокоившись, строила планы на будущее.

Глава 6

Уванимо спокойно ступала по заснеженной лесной тропе. Вера расслабленно сидела в седле, позволяя лошади самой выбирать дорогу. Тихий мелкий снег серебрил черную гриву лошади, тонко ложился на капюшон меховой парки.

Все осталось, как было месяц назад. Словно ничего не произошло – ни побоища в Олло-маре, ни смерти Ори и четверых магов. То же одиночество, тоска и самобичевание. В какой-то мере стало даже хуже. В былое время она путешествовала по острову в сопровождении Зараэль. Теперь не было и её, исчезнувшей без следа в ту ночь. Не было и черной птицы, неизменно сопровождавшей их на прогулках. Никто не следил более за Верой. И не оберегал.

В густых сумерках Уванимо привезла хозяйку в замок. Лошади хотелось побыстрее оказаться в теплом и сухом стойле, где её ждали ясли с овсом. Конюх принял поводья и увел её, а Вера нехотя поднялась по парадному крыльцу.

– Леди Вайра, – склонился в поклоне слуга, подставляя руки под парку, небрежно сброшенную ею с плеч. Вера не удостоила его и взглядом. Откуда в ней это? Когда появилось это пренебрежение? Эти господские замашки? Раздумывая о своих метаморфозах, она прошла в обеденный зал. Там было пусто. Вечерняя трапеза прекрасно прошла без неё. Вера досадливо закусила губу, барабанила пальцами по длинному столу.

Давно ли в этом зале она ужинала с Гилэстэлом, сидящем во главе стола. А здесь – обходя вокруг стола, она коснулась высокой спинки – сидел Астид, всегда такой молчаливый и сумрачный, в неизменном сером одеянии. А тут – Зараэль, которая всегда появлялась раньше Веры, потому что не переодевалась к ужину. Удивительно, но, невзирая на былую неприязнь, теперь Вере не хватало их присутствия. Не хватало бесед с Гилэстэлом, его мудрых и снисходительных глаз. Да, он был чудовищем. Но насколько притягательным! Подобной харизмой не обладают ни Эркель, ни Сарлис. Будь сейчас у Веры возможность выбора, которую она могла бы привести в согласие со своей совестью – она осталась бы с ним. Как Эркель когда-то. Как Иннегард, как Улле, как Астид. И тем отвратительнее она выглядела в собственных глазах; она – их убийца.

Перед глазами всплыл образ Ори. Он был с ней с самого начала, с самого её рождения здесь, в этом мире. Немногословный и серьезный, простой и заботливый, отважный и самоотверженный. Его жесткие, но такие нежные ладони, касавшиеся её волос в утешение. Взгляд его серых глаз – то строгий и требовательный, то участливый и одобрительный. Но никогда – равнодушный. К нему можно было подойти, и, ткнувшись в плечо, выговориться или просто помолчать. Все это сгорело дотла в диком пламени погребального костра, сложенного по довгарскому обычаю. И не осталось ничего, кроме камня с его именем над пустой могилой, и насыпи над кострищем.

Вера оперлась о край стола, зажмурившись и отгоняя накатившие видения. Глаза защищено, дыхание прервалось. Почему? Почему всегда приходится выбирать... И зачастую, сделав выбор, остаться ни с чем. Смерть Ори таким же камнем лежала на её совести. Его тоже убила она. Руками Гилэстэла, но она. За ней тянется шлейф из мертвецов. А Валарэ собирает обильный урожай из душ, которыми оплачена её сила. И благополучие эльфов.

– Леди Вайра, – голос слуги отвлек её от мрачных мыслей. – Распорядиться, чтобы накрыли стол к ужину?

– Не здесь, – Вера направилась к дверям. – Пусть принесут всё в мои комнаты.

В её покоях было светло и тихо. В кресле у камина сидел Троди, вороша головешки витой кочергой с рукоятью в виде драконьей головы.

– Ну-у, наконец-то, – протянул он, оглянувшись на вошедшую Веру. – Где ты весь день пропадала?

– Каталась, – пожалала плечами она, скрываясь в соседней комнате. Огон терпеливо ждал, пока она переоденется. В дверь постучали.

– Войдите, – откликнулась Вера.

Слуга в сером камзоле вкатил в комнату тележку, и, придвинув её к столу, принялся сервировать ужин для госпожи. Троди поднялся и перехватил из рук слуги графин из тонкого вейерхольдского стекла, наполненный красным сайельским.

– Иди, дружок, я сам накрою, – и указал на дверь в ответ на недоуменный взгляд. – Иди, иди. Госпожа не обидится.

Склонившись, слуга попятился, и, открыв задом дверь, исчез. Троди, не церемонясь, переставил на стол блюда с едой. Тарелки, блюда, чашки из вычурного фарфора и фужеры цветного стекла оставил на тележке. Потом, подумав, все же поставил на стол тарелку, положил рядом ложку. Откинув голову назад, оценивающе оглядел сервировку. Взял с подноса кружевную салфетку, расправил, подержал в раздумье и кинул обратно.

– Ну, и зачем ты его выпроводил?

Вера, сменившая теплый прогулочный костюм на легкое платье, облокотившись на косяк, смотрела на Троди с усмешкой.

– Пусть бы накрыл, как полагается. Он для того здесь и нужен.

– А чем тебе моя сервировка не нравится?

– Я хочу есть вкусно и красиво.

– Мне помнится, было время, когда ты с аппетитом уминала сусликов с перепачканными в золе пальцами. О кружевных салфетках и серебряных вилках и речи не было. Прошу к столу.

Огон со всей возможной галантностью, граничащей с легкой издевкой, подвинул Вере стул. Сам вернулся к камину, и, со скрипом развернув тяжелое кресло, сел лицом к Вере.

– Опять весь день по острову слонялась? Хоть бы в известность ставила, тут каких только ловушек не наставлено. Как болото вспомню, так пятки холодеют.

– Троди, дай поесть, а? – Вера поморщилась. Сняв с блюда крышку, из-под которой выпорхнуло облачко пара, положила себе на тарелку кроличьего рагу. Отодвинула ложку, взяла с тележки вилку. – И кстати, я заходила утром, но ни тебя, ни Мидо не застала.

– Утром! – хмыкнул огон. – Тем утром, которым ты встаешь, у нас уже горны в полную силу раздуты.

– На завтрак могли бы появляться.

– И оставить работу на середине? Нам с Мадисом хватает того, чем прислуга сыта. Я до изысков не охоч, да и мальчонка тоже не балован. А ты, как я посмотрю, у здешних обитателей манер набралась, пока мы в темнице отдыхали.

– Упрекаешь меня? – Вера насупилась.

– Прости, – спохватился огон, – я не это хотел сказать. Просто ты стала такая важная и высокомерная.

– К Сарлису и Анарниэлль ты не столь критичен.

– О, они тут в своей стихии. Как рыбы в воде. Порой за обедом мне думается, что с прислугой на кухне нам с Мидо уютней было бы. Помниться, ты рассказывала, что в Долине у них слуг нет. Но здесь в это трудно поверить. Они так привычно с ними обращаются.

– Воспитание, Троди, воспитание. Хватит читать мне нотации. Дай поесть. На вот, налей себе вина.

Огон поднял ладони, уступая. Подошел к столу, выбрал самый большой фужер, и, перелив в него почти половину графина, вернулся на место. Потягивая вино, Троди смотрел на Веру. Она ела молча, отодвигая косточки на край тарелки и выкладывая из них узор.

– Жаль, отца твоего нет рядом. Он был бы рад за тебя.

Вера опустила вилку. Посмотрела на Троди.

– Скучаешь по нему?

Тот кивнул, вздохнул. Шмыгнул носом, и, утерев его пальцами, полез за трубкой.

– Я тоже.

Она налила вина, замахнула бокал одним глотком. Налила еще.

– Троди!

– А? – огонь поймал её неодобрительный взгляд, направленный на трубку в его руке. –

Не буду тут курить, не буду. Пойду я. Отдыхай, Вайра.

– Не обижайся, – попросила она, вставая из-за стола и подходя к нему.

Огон улыбнулся, поднялся.

– Все хорошо, девочка. Незачем тебе дым глотать. А я пойду, посижу на крылечке с табачком. Эх, как мне его в каземате магистровом не хватало! Доброй ночи, Вайра.

Вера вернулась за стол, но есть уже не хотелось. Она допила вино, в раздумье глядя на пустой кувшин. На звон колокольчика появился слуга.

– Принеси еще вина. Остальное убери.

Она стала много пить в последнее время. Сдобренный алкоголем сон был крепче, а ночные кошмары если и приходили в забытие, то наутро не вспоминались.

Второй кувшин был уже пуст наполовину, когда в дверь постучали, и раздался голос Эркеля.

– Вайра! Ты у себя? Можно?

– Входи, – помедлив, неохотно откликнулась она.

На лице мага, когда он вошел, отразилось неодобрение.

– И какой это по счету? – он указал на кувшин.

– Второй, – пожал плечами Вера. – Но половину первого выпил Троди.

– Тогда половину второго выпью я, – ответил Эркель и забрал из её рук бокал. – И прикажу больше не приносить тебе вино.

– Что так?

– Пить много хмельного вредно для здоровья.

– Ори мне всегда это говорил.

– Теперь это буду говорить я.

– Ты мне не отец, – покачала головой Вера. – И, в общем-то, я могу сама решать, что мне делать. Пить или не пить – вот в чем вопрос!

Взяв кувшин в руку, она отставила его на руке, и продекларировала.

– О, бедный Йорик! Я знал его, Горацио. Это был человек бесконечного остроумия, неистощимый на выдумки. Он тысячу раз таскал меня... – она всхлипнула, прижав кувшин к груди.

– Ну-у, похоже, тебе хватит, – Эркель отобрал у Веры кувшин. – Кстати, а Йорик – это кто?

– Череп, – ответила Вера. Маг озадаченно дернул бровями, протянул Вере руку.

– Идем, я тебя спать уложу.

– Уложи, – пьяненько хихикнула Вера. – Гилэстэл тоже всё пытался меня уложить. А я сама их всех уложила! И его, и Астида, и... и...

Она заплакала. Эркель вздохнул. Поднял Веру с кресла на руки, понес в спальню.

– Не надо, Вайра. Ты не виновата ни в чем.

– От тебя пахнет морем и солью, – прошептала она.

– Анарниэлль говорит мне то же самое, – улыбнулся Эркель.

– Ей повезло. Ори бы не промахнулся тогда.

Эркель опустил Веру на кровать. Сел рядом.

– Я тебе благодарен, Вайра. За всё. За все, что случилось с того мига, как я нашел тебя в плену у Кханглума. Что-то закончилось, что-то началось. Это жизнь, движение к новому, даже если новое – уже давнее прошлое. Я о многом сожалею, как и ты. Но принимаю всё как есть, уже научился принимать. Когда-то много веков назад я тоже умирал душой у могилы

дорогого мне человека. Я уже говорил тебе это. Я нашел в себе силы продолжить жить. Не повторяй моего пути. Чтобы не стать мошкой, застывшей в прошлом, как в смоле. Меня научил этому Гилэстэл.

– Он был мудр. Ты знаешь, мне его не хватает.

Эркель кивнул понимающе.

– Мне тоже его недостаёт. Он был не только мудр. Он был великим человеком. Или эльфом. Я не знаю, кем он сам себя считал. Мне горько, что я причинил боль и горе этому миру, своему народу. Но я горжусь тем, что он был моим учителем. И другом.

– Я понимаю, почему ты пошел с ним тогда. Он был сильным, противостоял целому миру. И построил свой.

– Я пошел с ним потому, что сам был слабым, Вайра. Ты сильнее меня, ты осмелилась противостоять Гилэстэлу. И твой мир ждет тебя.

Вера кивнула в ответ.

– А теперь спи. И не пей много хмельного. Пьянство – не лучший способ борьбы с тоской. По себе знаю, – Эркель улыбнулся, и поднялся, собираясь уйти.

– Эркель! – остановила его Вера. – Ты ведь приходил не для того, чтобы прочитать мне лекцию о вреде пьянства? Что на самом деле?

Маг взглянул на неё искоса. Помолчав, ответил.

– Через четыре дня здесь будут Ригестайн и Лейнолл. Я вызвал их сразу же после гибели магистра и остальных. Но только сейчас, получив подкрепление и отбив натиск ронзейцев у южных границ, они смогли отправиться в Норхет. Тебе лучше не показываться им на глаза, я не знаю, какова будет их реакция. Они могут причинить тебе вред.

– Или я – им, – пробормотала Вера. Ей стало нехорошо при мысли о том, что может произойти. – Ты прав. Я буду осторожна.

***

Вера проснулась засветло. Сквозь морозный узор на стеклах просвечивало яркое солнце. Выпитое с вечера спиртное отзывалось соответствующим образом в голове и во рту. Поморщившись, она поднялась, добрела до стола. Налила воды, глотнула, отставила бокал, взяла кувшин и стала пить прямо из него. Ополовинив кувшин, подошла к окну и распахнула оконные створки. На карнизе пышной шапкой лежал снег, сверкая в солнечных лучах. Вера зачерпнула полные пригоршни и растерла лицо. Она стояла, глядя на заснеженные аллеи, на округлые, мягкие очертания деревьев, покрытых слоем снега. Зимняя умиротворяющая красота норхетского парка резко контрастировала с Вериным мироощущением в это утро. Она стояла, глядя на сказочный пейзаж, пока не замерзла. Допив остатки воды из кувшина, Вера подошла к зеркалу. Красные глаза, синева под ними и припухшие веки красоты ей не добавляли.

Вера хотела уже распорядиться, чтобы ей приготовили ванну, но вспомнила слова Троди – важная и высокомерная. Она усмехнулась, испытывая неловкость от того, как оценил её старый друг. Еще раз взглянула в зеркало.

– Важная и высокомерная пьяница, – сказала она своему отражению. – Думаешь, что тебя пожалеют за это? Просто станешь всем еще отвратительнее. А Сарлису и подавно.

Внезапно разозлившись на себя, Вера быстрым шагом направилась в купальню. Наполнив ванну, она погрузилась в горячую воду и остервенело растерлась губкой, выгоняя из тела остатки сна и похмелья. Потом безжалостно окатила себя ледяным душем, и, повизгивая и скользя босыми ногами по полу, нагишом выскочила в будуар. Немного магии и косметики уничтожили последние свидетельства тоскливого загула на лице. Вера собрала волосы, заколов их гребнем с гранатовыми вставками, надела алое платье с широкими рукавами – подарок из собственных рук магистра, и отправилась на завтрак.

В столовой было весело. Говорили на эльфийском. Вера чуть улыбнулась, услышав смех Эркеля. Ему вторила Анарниэльль. Голос Сарлиса, рассказывающего нечто, рассмешившее остальных, был непривычно светел и жизнерадостен. А услышав его смех – негромкий, но такой безмятежный и искренний, Вера в удивлении замерла на месте. За все время, проведенное рядом с ним, ей почти не приходилось слышать, как эльф смеется. В прекрасном расположении духа она вошла в столовую.

– Доброе утро!

– Вайра! – воскликнула Анарниэльль. На лицо же Сарлиса легла тень, ясный смех сменился вежливой, чуть досадливой полуулыбкой.

– Чудесно выглядишь, – Эркель улыбнулся ей и кивнул, одобрительно оглядев.

Вера заняла свое место за столом. Вышколенный слуга наполнил её бокал, придвинул тарелку с запеканкой.

– Красивое платье, – отметила Анарниэльль. – У тебя хороший вкус. Это я еще в Уроссе заметила.

– Это Гилэстэл подарил, – смущенная похвалой, ответила Вера.

– Гилэстэл знал толк в тряпках, – язвительно усмехнулся Сарлис. – Здешний портной настоящий мастер.

Вера, отломив вилкой запеканку, кинула взгляд на роскошный камзол эльфа. И ответила ему в тон.

– Я вижу, ты тоже уже оценил его мастерство. Что касается магистра, то он в одежде предпочитал серый цвет и простой покрой. Как истинный аристократ, знающий себе цену, вне зависимости от наряда.

На щеках Сарлиса, задетого за живое, проступили красные пятна.

– Тогда зачем столь неприхотливому аристократу швейных дел мастер? – губы эльфа скривились.

– Для своих женщин и починки мантии, – съерничала Вера, обмакивая кусочек запеканки в ягодный мусс.

Сарлис прищурился.

– Себя ты тоже относишь к женщинам Гилэстэла?

Вера метнула на него сердитый взгляд, но промолчала – рот был занят.

– Почему мы не остались в Олломаре? – прожевав, обратилась она к Эркелю. – Здесь мне тяжело от воспоминаний.

– Анарниэльль нуждается в лечении. А в моем замке нет необходимых средств, – ответил тот.

Но Вера прекрасно понимала истинную причину бегства Эркеля в Норхет – он не хотел быть рядом со своими воспоминаниями.

– Тоскуешь по магистру? – воздел брови Сарлис. – Еще бы! Ты вроде даже собиралась с ним детей завести. Сколько попыток вы с ним предприняли? И в какую из них ты нашептала ему об Эдельтелед?

Эркель замер с вилок в руке и переглянулся с Анарниэльль, в глазах которой всколыхнулась тревога. Едва сдерживаясь, чтобы не запустить в эльфа молнией, Вера процедила сквозь зубы, глядя в тарелку:

– Я не считаю нужным отчитываться тебе в поступках, касающихся меня лично. Но, всё же, скажу – я не была ни с Гилэстэлом, ни с кем бы то ни было другим. Да, я была готова на это, – она подняла глаза на эльфа. – А в твою тупую ушастую башку не приходила мысль, что я была готова сделать это, чтобы вытащить ваше племя отсюда? Мой ад в обмен на ваш рай? И, кстати, магистр был намного деликатнее, чем кое-кто из здесь сидящих. Я не удивлена, что в свое время у Гилэстэла появилось желание всех убить. С таким-то отношением!

Она в сердцах швырнула вилку на стол, скомкала салфетку, и поднялась.

– Приятного аппетита, господа эльфы. И хорошего дня, – и покинула столовую, громко хлопнув дверями.

– Зачем ты с ней так? – Эркель с горькой укоризной взглянул на Сарлиса. Тот сидел с покрасневшим от ярости лицом, стиснув прозрачный бокал с недопитым вином.

– Я уже говорил тебе, что она не нарушила своего обещания. Гилэстэл обманом выудил у неё сведения о вашей долине. Все, что говорила Зараэль в тот раз – ложь, чтобы доставить вам не только физические, но и душевные муки. За что так ненавидишь её?

Тонкий хрусталь под пальцами эльфа треснул, и скатерть окрасилась вином, смешанным с кровью из порезанной ладони.

– Сарлис! – испуганно вскрикнула Анарниэльль, и бросилась к нему с салфеткой. Но эльф, бросив на стол осколки фужера и оттолкнув сестру, ушел прочь. Капли крови из порезанной руки падали на пол, отмечая его путь.

– Твой брат просто прелесть, – рассмеялся Эркель, глядя на расстроенное лицо Анарниэльль. – Первый раз вижу его таким. А мне казалось, что это я эмоциональный. Как, объясни мне, он и Вайра могли находиться друг подле друга с такой неприязнью, да еще так долго? Он же ненавидит её всем своим сердцем! Даже к Троди и Мидо он так не относится.

– Он не ненавидит её, Эркель, – устало откликнулась эльфийка, опускаясь на стул возле мага. – Я думаю – он любит её. Это и приводит его в ярость, его обуревают злость и бешенство от сознания этого. Задета самая чувствительная его струна – гордость.

Маг изумился.

– Любит?!

– Я слышала, как он просил в норхетском подвале, чтобы с ней все было хорошо. И видела, как плохо ему было, когда он думал о её предательстве. И то, что она, пусть и из благих намерений, могла лечь в постель с этим....

Анарниэльль передернула плечами.

– А она?

– Не знаю. Раньше мне казалось, что и она испытывает к нему что-то. Но с таким его отношением к ней, думаю, это уже прошло. Не знаю, сможет ли он её простить. И усмирить свою гордыню. Если нет, то..., – она замялась.

– Что? – взглянул на неё маг.

– Он всю жизнь так старательно избегал привязанностей и чувств. Все знают его спокойным и рассудительным, бесчувственным, с холодным сердцем. Но он не такой. Если он не позволит себе любить и быть любимым, его душа выгорит. Он просто угаснет однажды.

Голос Анарниэльль дрогнул, она отвернулась от полуэльфа. А Эркель грустно подумал о том, сколько искалеченных судеб, душ и сердец стали следствием амбиций Гилэстэла.

– Анарниэльль, – позвал он тихо. – Анэль, а ты? Ты простила меня?

На её заживающей щеке, когда она взглянула на него, маг увидел слезинку. Она кивнула, чуть улыбнувшись. Эркель, опустившись на пол, обнял её колени, уткнувшись в них лицом. Она гладила его по голове, зарываясь пальцами в каштановые волосы, а он тихо таял душой, вдыхая тепло её тела.

***

Анарниэльль нашла брата в его покоях. Он читал, расположившись на софе у окна. Кисть правой руки была аккуратно перевязана. Увидев сестру, Сарлис отложил книгу.

– Проходи, Анэль.

– Я хотела поговорить с тобой о Вайре.

– Нет! Достаточно уже об этом, – протестующее воздев руки, отвернулся от сестры Сарлис.

– Я еще ничего не сказала. А намерена сказать многое. Перестань обращаться с ней, как...

– Как с кем? – перебив, принц вызывающе взглянул на сестру, и поднялся. – Как с плебейкой, с простолюдинкой? Ты это хотела сказать? Как с девчонкой, чьи пятки в навозе, а в сердце нет гордости, чести, благородства и уважения хотя бы к себе? Я буду обращаться с ней так, как и подобает. Я – потомок эльфийских королей, проживший не одну человеческую жизнь, и мне унижительно становиться с ней на одну ступень. Она – никто, безродная полукровка, выросшая в племени, еще не выбравшемся из варварского состояния.

– Ты кое-что запомнил, – сверкнула глазами Анарниэлль, неодобрительно выслушав отповедь брата. – Гилэстэл одной крови с нами, и, раз уж ты заговорил о генеалогии, выше по происхождению. Но он счел её равной себе. Он не погнушался и не счел для себя унижительным предложить ей то, в чем ты отказываешь.

– Стать его любовницей? – фыркнул Сарлис. – Тоже мне, велика честь стать грелкой в постели! Именно так и поступает чернь – хватается за любую возможность облегчить свое существование, ухватить от жизни кусок послаще. А Гилэстэл... Он всегда был неразборчив в связях.

– Я имела в виду любовь, – эльфийка опустила глаза.

– Анарниэлль, – поморщился Сарлис. – Гилэстэл был на любовь не способен.

А она ничего о ней не знает. Как и люди вообще. Не надо меня сводить, я не племенной конь, мне не нужны потомки в качестве научных экспериментов. Я сам выберу себе пару. Достойную – ту, которая не заставит сомневаться в себе, преданную на долгие годы. Такую, как ты.

Анарниэлль взглянула на брата.

– Чтобы понять, что такое преданность и любовь на годы, нужно прожить в страдании и душевных терзаниях века. Ты этого для себя хочешь? Счастья через боль и опустошение? Зачем? Возможно, твое счастье здесь, в двух шагах от тебя, а не в сотнях лет впереди. Просто позволь себе его.

– Эркель и ты – прекрасная пара, сказка со счастливым концом. Вы друг друга достойны и равны. Я и Вайра – нет. Моя гордость и память королевского рода не позволят мне этот мезальянс. Мы с тобой уже начинали этот разговор, помнишь? Когда шли из Эдельтелад к хранителю и потом, по пути в Уросс. Сделай одолжение – не возобновляй его больше. Никогда.

Анарниэлль несколько секунд смотрела на принца, потом поклонилась.

– Как изволите, Ваше Высочество.

Сарлис смотрел, как уходит сестра – прямой, строгий и надменный. Негромкие слова были произнесены уже не для неё.

– Так будет правильно.

***

Мидо оглянулся на дверь, и, увидев входящую Веру, радостно закивал головой и заулыбался. За что и был тут же удостоен несильной затрецины от огона.

– Держи ровно! – рявкнул Троди, и Мидо, ослабивший хватку, крепче взялся за клещи. Огон кинул быстрый взгляд на Веру, но работу не прервал: алая полоса металла на наковальне разбрызгивалась искрами от ударов молота. Рядом с ними, заложив пальцы за лямки кожаного фартука и сдвинув брови, стоял замковый кузнец и наблюдал с ревнивым вниманием. При виде вошедшей госпожи он опустил руки и почтительно поклонился. Вера встала поодаль, прислонившись к столбу, поддерживающему стропила, и тоже стала смотреть.

– Наддай-ка, – бросил огонь, и подручный раздул мех. Всполохнулись угли, и Троди сунул в них остывающую заготовку. Только после этого обернулся к Вере, улыбаясь.

– Доброе утро! Вот уж не ожидал тебя тут увидеть.

– Доброе, Троди.

– Что-то случилось? Обидел кто? – приглядевшись, спросил огонь.

– А, – сморщила нос Вера.

– Ты погоди, – участливо взгляделся в её лицо Троди. – Скоро уж закончим, сядем, поговорим.

Вера кивнула. Мидо тем временем, следуя негромким указаниям кузнеца, ворочал в углях заготовку, накаляя железо со всех сторон. По знаку Троди он, выхватив клещами из огня, бросил её на наковальню. И снова загремел молот и посыпались искры.

Стоять в раскаленной кузне в меховой парке было невмозготу, и Вера вышла на воздух. Она прождала около часа, пока из дверей не показался огонь в наброшенном на плечи кожухе. Он уселся на широкий чурбак, отдуваясь и утирая пот холстиной. За ним высочил Мидо, чтобы поприветствовать Веру.

– Госпожа Вайра! – на испачканном сажей лице счастливо горели его глаза. – Я такое знаю! Я теперь такое могу!

– Мадус, – свел брови огонь. – Тебе что было сказано? Вот иди и делай, коли умеешь.

Мидо послушно шмыгнул обратно в кузницу, а взгляд огона из сурового стал одобрительно-насмешливым.

– Ну, можно и курнуть, – подмигнул он Вере. – А ничего парнишка, способный.

Вера присела на чурбак рядом с Троди.

– Осторожнее, платье испортишь, – предостерег её огонь, набивая трубку.

– Да и черт с ним, – пренебрежительно тряхнула рукой Вера. – Так что там про Мидо?

– Способный, говорю. Видать, и впрямь наша кровь в нем проявляется. С лёту смекает, как и что. Только ему не говори, – погрозил он трубкой Вере, – зазнается не то. Гонять его надо, и в строгости держать, тогда и толк, глядишь, выйдет. А так мальчонка даровитый. Опять же, в радость ему это ремесло. А без отрады хорошего дела не получится. В подмастерьях у меня походит, а там, глядишь, и в добрые мастера выйдет. Гонять только надо.

– Вот и гоняй, – усмехнулась Вера, слыша наставнические нотки в голосе огона, и порадовавшись за них обоих – и за Мидо, и за Троди.

– А то, – согласился огонь, выпуская клубок дыма. – У тебя что стряслось?

Вера, стараясь, чтобы это не звучала как жалоба, рассказала про утреннюю перебранку с эльфом. Троди слушал молча, хмурясь и попыхивая трубкой.

– У Анарниэлль есть Эркель и Сарлис. Я не вижу себя в их будущем. Вы с Мидо тоже близко сошлись в последнее время, планы вон на будущее строишь. А я как рукав от жилетки. Единственный, кто понимал и любил меня в этом мире – Ори. Но его больше нет. Он ничего не хотел от меня, он хотел, чтобы я была жива и счастлива. Для остальных же я – инструмент достижения цели, ключ к воротам в лучшую жизнь. Меня это оскорбляет. Знаешь, Троди, я думала кое о чем. Это они во мне нуждаются. Но мне для того чтобы вернуться домой, никто не нужен. Камни – вот они, можно просто взять их и уйти. Сделать это для себя самой.

– Ты хочешь..., – огонь недоверчиво покосился на девушку.

– Хочу, – резко перебила его Вера. – Я хочу смыться отсюда.

– И куда ты денешься с острова?

– А вот это надо обдумать. Эркель знал, что делал, когда привез всех сюда. Прекрасный план – держать меня здесь до того момента, пока поправится Анарниэлль. Наверняка он просчитал вариант, что я могу забрать камни и уйти одна. А с острова без его ведома уплыть невозможно. Здесь нет перехода. И ни один корабль не покинет причал без его разрешения. Он ничем не лучше Гилэстэла, так же манипулирует людьми. Эльфам больше ничто не угрожает – магистр мертв, Эркель по уши влюблен в их принцессу. Какая им разница, в каком мире жить? Этот им привычнее. А я хочу домой. Я так хочу домой...

– Ты изменилась с того момента, когда мы впервые встретились, – огон печально качнул головой.

– Я исчерпала альтруизм, – зло ответила Вера. – Мне в последнее время наплевать на чужие проблемы. У меня своих хватает. Их и надо решать.

– В тебе говорят злость и обида. Это опасные советчики.

– Во мне говорит разум, Троди. Мне следовало сразу принять предложение магистра – открыть портал и уйти домой в обмен на местоположение долины. И в обмен на ваши жизни – твою и Ори.

– А эльфы?

Вера поморщилась.

– Это их внутрисемейные дела. Гилэстэл был прав – он говорил, что это не моя война. Он был мудр, Троди.

– Если будешь так рассуждать, станешь походить на него.

– Я бы этим гордилась. Способность защищать свои интересы, невзирая ни на что – вот истинно полезное свойство.

– Это свойство называется эгоизм. Невзирая ни на что... Его никто не любил. А тебя любят. Сарлис любит тебя.

– Ты очень сильно ошибаешься, – скривилась Вера. – Этот высокомерный холодный аристократ не способен на подобное чувство. Тем более, по отношению к тому, кого он считает ниже себя. Он выберет себе женщину не по любви, а по рангу. Но меня это не обижает, а даже приносит облегчение. Не нужно притворяться, чтобы соответствовать его запросам. Можно быть собой. К тому же, мне это не в новинку. В нашем мире это обыденность.

– Отказ от чувств и предательство – обыденность? – хмыкнул огон. – Ну и поганый же у вас мирок.

– Какой есть. Зато мой. Так что, если я найду способ отсюда сбежать, вы со мной?

– Спрашиваешь! – огладил бороду огон. – Мне уж давненько тут опостылело. Нет, кузня, конечно, хороша. Но на этом и всё. Я и Мадрус с тобой!

– Спасибо, Троди, – Вера встала с чурбака.

– Куда ты сейчас? – огон выколотил трубку и тоже поднялся.

– Сначала на кухню – поживлюсь чем-нибудь, завтрака-то я лишилась. А потом прокачусь по острову. Есть кое-какие мысли, – прищурилась Вера, притушив огонек в глазах.

В Серой гавани стояли «Жемчужина» Эркеля и «Серый странник» Гилэстэла. Два корабля, на которые уже никогда не поднимутся их владельцы – корабли Улле и Иннегарда, были отправлены Эркелем в помощь униатской армии. На палубах было пусто, но Вера знала – охрана всегда начеку. Однако её интересовали не эти громадины. Она отъехала чуть дальше, туда, где у причалов стояли прогулочные яхты. Легкие парусники покачивались на прибрежных волнах, приветственно кланяясь Вере тонкими мачтами. За этими скорлупками никто не следил, можно было в любой момент взять одну из них для прогулки вдоль острова. В тесной каюте хватит места для троих. К тому же, грайрам, регулярно облетающим с дозором прибрежные воды острова, будет труднее найти в открытом море такую малютку. Да и кто осмелится выйти в зимнее море на легкой прогулочной лодчонке! Только сумасшедший оптимист или отчаянный самоубийца. Вера с усмешкой похлопала Уванимо по шее.

– Скоро мы с тобой расстанемся, чудесная моя. И ты – единственная из живых, по кому я буду скучать вдали от этого острова.

Вечерняя прогулка состоялась уже в компании Мадруса и Троди, которого Вера уговорила воспользоваться пони. Они спешили у причалов, и Вера, кивком головы указав на одну из яхт, спросила:

– Мидо! Ты сможешь справиться с такой яхтой один?

– Да, госпожа! – уверенно улыбнулся юноша.

– Отлично, – одобрительно кивнула Вера.

Огонь недоверчиво покосился на лодку.

– Ты хочешь добираться до материка на этом!? Да её разотрет в щепки в открытом море!

– Она крепче, чем кажется, – ответила Вера. – К тому же с нами бывалый мореход.

Не так ли, Мидо?

– Я сделаю все, что смогу, госпожа.

– Это самоубийство, – огонь покачал головой. Потом, сдавшись, махнул рукой.

– Ну что ж, решено, – Вера улыбнулась друзьям. – Мидо, отныне ты – капитан. С тебя маршрут. С тебя, Троди – провиант. Остальная мелочь, вроде снаряжения и лорелантов – за мной. Уходим послезавтра утром.

Двери в сокровищницу замка Норхет были не просто закрыты. Они были запечатаны заклинанием. Открыть их могли только члены центрального круга. И Вера. Она повела пальцами, задвижки разошлись, створки, послушные тихим словам, бесшумно распахнулись, и она проскользнула внутрь. Гилэстэл любил здесь бывать. Ему нравилось любоваться собранными за прошедшие века драгоценностями, и рассказывать Вере их истории. Но сейчас её не интересовали ни стоящие вдоль стен витрины с ювелирными украшениями, ни ларцы с заботливо рассортированными по размеру и чистоте камнями, ни ковчеги с золотыми россыпями, ни разнообразное оружие, инкрустированное драгоценными камнями и гравированное золотом. Она шла по обширным залам в самую дальнюю комнату. Туда, где хранились два бесценных сокровища Гилэстэла. Сокровища, напоминавшие ему о былом и будущем величии.

В комнате находился лишь один сундук, окованный железом. Ключом к нему служил перстень магистра, исчезнувший вместе с Зараэль. Веру это несколько не смущало. Пара пасов над замочной скважиной, и засовы в глубине сундука разъехались. Вера подняла тяжелую крышку. Внутри стояли два деревянных резных ларчика. Вера открыла левый, и её взору предстала корона древних эльфийских королей – витой серебряный обруч со вставленными в переплетения алмазами. Та, что носил Мэнелгил. А до него – мать Гилэстэла. Он все-таки получил её. Кто теперь наденет её на чело? Вера с некоторой грустью опустила крышку шкатулки.

Лореланты в соседнем ларце были разложены в углубления на белом бархатном ложе. Одно было пустым. Вера провела по овальной ямочке пальцем, дотронулась до медальона на груди. Потом решительно выудила камни из бархатных гнезд, ссыпала их в мешочек, закрыла ларец и захлопнула сундук. Завязав тесемки, Вера повесила мешочек себе на шею, и покинула сокровищницу, вновь запечатав двери.

Избегать эльфов и Эркеля в день перед побегом было не трудно. Это было легче легкого. Её никто не искал и не звал. Молчаливых слуг, не привыкших вмешивать в дела господ, тоже совершенно не интересовало то, что Вера посетила оружейную вместе с огнем и Мидо. И вышли они оттуда, основательно экипированные. Многодневный запас еды, переправленный на яхту, тоже не вызвал ни у кого вопросов. И это было обидно. Вере казалось, что её план будет раскрыт и нарушен кем-то из обитателей замка. Она с трепетом ждала этого, и, в какой-то степени, наверное, жаждала, чтобы это случилось. Чтобы хоть кто-то подтвердил, что она небезразлична. Ничего. Ничего не произошло. И в уговоренный сумрачный утренний час Вера, Троди и Мидо взошли на яхту.

Зажав в кулаке заветный мешочек с лорелантами, Вера глядела, как медленно удаляется норхетский берег. И не чувствовала ничего, кроме утреннего холода – ни злости, ни сожаления, ни жалости, ни угрызений совести.

– Госпожа Вайра! Спуститесь вниз, там безопаснее, – мимо неё прошел Мидо.

Она спустилась в каюту, поеживаясь и похлопывая себя руками по плечам.

– Замерзла? На, грейся.

Троди, устроившись на рундуке, протянул ей открытую бутылку.

– Отъезд отмечаешь? – усмехнулась Вера, садясь и принимая из рук огона сосуд.

– Не то чтобы, – поморщился тот. – Морские путешествия мне не по нутру. Оно у меня от них выворачивается. Вот и подумал – может, вино поможет?

Надежды огона не оправдались. Через несколько часов, перегнувшись через борт и исторгнув выпитое, он прохрипел, отплевываясь.

– Столько добра зря перевел.

Вера, с сочувствием глядя на страдания друга, поинтересовалась у Мидо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.